

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Новосибирск, 2012 г.

УДК 009
ББК 6/8
Г 34

Рецензенты:

Бердникова Анна Геннадьевна, канд. фил. наук (г. Новосибирск);
Якушева Светлана Дмитриевна, канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики Московского гуманитарного педагогического института (г. Москва).

Г 34 «Гендерные аспекты гуманитарных наук»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (09 июля 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. — 78 с.

ISBN 978-5-4379-0117-5

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Гендерные аспекты гуманитарных наук» отражает результаты гендерных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных гуманитарных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития гендерных аспектов в гуманитарных науках.

ББК 6/8

ISBN 978-5-4379-0117-5

© НП «Сибирская ассоциация консультантов», 2012 г.

Оглавление

Секция 1. Вопросы гендера в психологии	5
МУЖСКАЯ ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Боровцова Марьяна Сергеевна	5
ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КРИЗИСНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА Красовская Наталия Рудольфовна	9
Секция 2. Вопросы гендера в педагогике	23
ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ЛИЦЕЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ Долгова Валентина Михайловна	23
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОСПИТАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЖЕНСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ У ДЕВОЧЕК В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ Зотова Дина Александровна	30
ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ: ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Коробкова Светлана Александровна	34
Секция 3. Вопросы гендера в философии	39
ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ Кодар Замза Муташовна	39
ВОПРОС ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ЖЕНЩИНЫ В ФИЛОСОФИИ ПОСТФЕМИНИЗМА. Хитрук Екатерина Борисовна	44

Секция 4. Вопросы гендера в истории	49
РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ — ПЕРВЫЕ В ХИМИЧЕСКИХ НАУКАХ И ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕРАБОТКИ НЕФТИ Ахмадова Хава Хамидовна Сыркин Алик Михайлович	49
ГЕНДЕРНАЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ И ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В СРЕДНЕНИЖНЕНЕМЕЦКОМ ЖИВОТНОМ ЭПОСЕ «РЕЙНКЕ ЛИС» (РОСТОК, 1539) КАК ПРИМЕР РЕФЛЕКСИИ НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ФОРМАЦИИ Цапаева Сабина Юрьевна	61
Секция 5. Вопросы гендера в социологии	69
ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ ЛАКЦЕВ Алиева Бадрижат Маликовна	69
ЖЕНСКИЙ ЮМОР И ЖЕНСКИЕ КОМАНДЫ В КВН Брильянт Анастасия Вячеславовна Прошкова Зоя Вячеславовна	74

СЕКЦИЯ 1.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В ПСИХОЛОГИИ

МУЖСКАЯ ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Боровцова Марьяна Сергеевна

*аспирант кафедры глубинной психологии и психотерапии
Таврического национального университета им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, АР Крым, Украина*

E-mail: nevylikovna@meta.ua

Постановка проблемы. Современные гендерные исследования все чаще обращаются к вопросам гендерной идентичности и гендерной субъектности. Рассмотрение гендерного порядка через призму интегральной индивидуальности личности значительно обогащает представления о природе и сущности межполовых отличий, гендерных отношений, гендерной культуры в целом. В последнее время, наряду с исследованием гендерной идентичности женщины, женской идентичности, в предметное поле гендерной психологии активно входит проблема мужского и осуществления мужины.

Целью данной статьи является обоснование содержания мужской гендерной идентичности на основе анализа имеющихся теоретико-эмпирических исследований этого явления.

Прежде всего, мы считаем необходимым отметить, что под мужской гендерной идентичности мы понимаем гендерную идентичность мужины, а не маскулинную либо мужественную идентичность кого бы то ни было. Исходя из этого, для реализации поставленной цели мы считаем целесообразным обратиться к рассмотрению понятия гендерной идентичности личности и, затем, к выделению тех ее особенностей, которые можно отнести к присущим мужине.

Ранее нами были выделены три основных теоретико-методологических подхода к пониманию гендерной идентичности личности, сосуществующие в дискурсах науки [2]:

1. *апеллирующий к сознанию* (B. Elliot, P. Carver, S. Kessler, C. Martin, D. Perry, D. Ruble, J. Szkrybalo, J. Yunger, Ю. Беликова, М. Бороденко, С. Бутковская, Т. Говорун, Н. Городнова, В. Добреньков, С. Девярых, О. Кикинежди, И. Кириллова, В. Козлов, М. Колясникова, А. Кравченко, Т. Лень, О. Морозова-Ларина, В. Новицкая, В. Петровский, Н. Смелзер, Н. Шухова и др.). Согласно этому подходу гендерная идентичность определяется как аспект самосознания или как определенная степень осознания своего пола / гендера;

2. *статусно-ролевой* (S. Bem, Дж. Батлер, И. Бондаревская, П. Горностай, Т. Данильченко, С. Иванченко, Е. Ильин, В. Москаленко, Т. Надвиничная, В. Романова, Т. Склярчук, А. Фурман и др.). Данный подход определяет гендерную идентичность как способ и условие организации поведения по воспроизведению женственности или мужественности, статус овладения гендерной ролью;

3. *самостный* (J. Ross-Gordon, Н. Бурлакова, С. Диденко, О. Козлова, Ф. Леонтиу, Л. Ожигова, И. Романов, О. Соколова, А. Чекалина и др.). Рассматривает гендерную идентичность как аспект, проявление или условный компонент Самости, Собственного Я, личностной идентичности. Исследователи, разрабатывающие самостный подход, не нивелируют значение осознания и ролевого осуществления для достижения гендерной идентичности, однако указывают на их вторичность по отношению к интегральной индивидуальной неповторимости личности.

Анализ упомянутых подходов и результатов эмпирических исследований, выполненных в каждом из них, позволил нам предположить, что все они указывают на значимые аспекты гендерной идентичности личности, которые, в свою очередь, целесообразно рассматривать через три взаимосвязанные измерения:

- *глубинное*: реальное (в понимании Ж. Лакана), телесное, бессознательное, чувственное, половое, сексуальное, похотливое;
- *когнитивное*: познаваемое, доступное сознанию, стереотипное, представляемое, воображаемое;
- *поведенческое*: активное, действенное, ролевое, деятельностное [2].

Поскольку сама идея идентичности предполагает некую тождественность объекта А объекту Б, мы пришли к выводу, что гендерная идентичность отражает определенную («достаточную») степень соответствия Самости гендеру на каждом из указанных уровней. Если гендер — это целостная психическая репрезентация пола, наполненная неповторимым динамичным глубинным,

когнитивным и поведенческим смыслом женского и мужского, полученная индивидом в процессе обретения индивидуального гендерного опыта [1], то гендерная идентичность является переживанием непрерывной самоидентичности, подлинности себя как мужчины или женщины на разных уровнях отношений гендера к Самости [2]. Это подразумевает некоторое соответствие между гендерным образом (образом мужчины или женщины) и образом Я, между гендерным концептом (индивидуальной семиотической структурой поло-маркированных качеств, свойств и событий реальности, позволяющей личности порождаться как текст определенного пола) и Я-концептом, между представлением о гендерных практиках и собственным ролевым осуществлением.

Вместе с этим, в социогуманитарных исследованиях достижение мужской гендерной идентичности обычно связывают с обретением и реализацией определенного системного качества, под которым одна часть ученых понимает маскулинность, другая — мужественность. Типичной также можно считать проблему отождествления этих понятий, использования их как синонимов.

В результате анализа концепта маскулинности на предмет его репрезентативной состоятельности по отношению к феномену мужественности и весомости как критерия достижения гендерной идентичности мужчиной [3; 5] нами ранее были сделаны следующие выводы:

Маскулинность в научном дискурсе используется либо в качестве смысловой константы, фалличной по своему содержанию, либо в качестве одного из способов выражения мужественности, функционирующих в данной культуре [3].

В мужских исследованиях справедливо используются метафоры «сценария», «симуляции», «футляра», «видимости», «представления», «ноши» по отношению к понятию маскулинности, отражающие проблему ее жестких, категоричных, заведомо невыполнимых и в то же время размытых, нечетких требований, пытаясь соответствовать которым, мужчина отвергает свою подлинную сущность, так и не успев ее познать. В таком случае, согласно нашим выводам, проблема маскулинности является проблемой отчуждения от естественной мужественности в пользу отыгрывания гомосоциального спектакля, где фантом внешнего признания компенсирует отсутствие внутреннего принятия [5].

Обобщая изложенное, мы можем предположить, что маскулинность является изменяющейся социальной репрезентацией мужественности, предлагающей представителям мужского пола

желаемые репертуары атрибутивного означивания, и связана с внешней компенсацией внутренней нехватки и тревогой перед непостижимым женским. То содержание маскулинности как мифической мужественности, которое функционирует в обществе сегодня, является источником психологического дискомфорта и деформации индивидуальности личности мужчины, что, по нашему мнению, не позволяет связывать достижение мужской гендерной идентичности с маскулинизацией.

Мужественность же, на наш взгляд, от рождения имманентно присуща всем мужчинам как некая психическая потенция, обусловленная полом, которая в дальнейшем, используя ресурсы культуры, выстраивает вокруг себя разноуровневую систему означиваний. Она, как справедливо полагает М. Киммел, заключена в саму биологическую конструкцию мужчины и является его вневременной сущностью [4]. В таком случае мужественность нуждается не в формировании или обретении, а в познании, развитии, индивидуальном означивании и принятии индивидом.

Исходя из сказанного, мы делаем **вывод**, что мужская гендерная идентичность — это переживание мужчиной непрерывной самождественности, подлинности самого себя, связанное с познанием и принятием собственной мужественности, ощущением целостности и единства по отношению к ней, даже если по своему содержанию она противоречит маскулинным ожиданиям социума.

В связи с этим **перспективным**, по нашему мнению, является исследование особенностей различных уровней мужской гендерной идентичности на разных этапах онтогенеза, среди разных социальных групп, в кризисные и стабильные периоды жизни и т. п., что, безусловно, требует разработки соответствующего диагностического инструментария.

Список литературы:

1. Боровцова М.С. Гендер как элемент психической реальности личности / М.С. Боровцова // Гендер, права человека, историческое знание: актуальные проблемы и перспективы исследований: материалы I Всероссийской научной конференции с международным участием (май 2012). — Липецк: «Гравис», 2012. — С. 4—7.
2. Боровцова М.С. Гендерна ідентичність особистості: теоретичний аналіз / М.С. Боровцова // Вісник одеського національного університету. Психологія. — 2011. — Т.16, вип.17. — С. 19-29.
3. Боровцова М.С. За кулисами маскулинности: мужественность как личностная и научная проблема / М.С. Боровцова // Современная психология: теория и практика : материалы II международной научно-

практической конференции 29—30 сентября 2011 г. — Москва, 2011. — С. 32—36.

4. Киммел М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности / М. Киммел // Гендерные исследования: Сб. ст. — Харьков, 2006. — № 14. — С. 34—52.
5. Никифорова М.С. Маскулинность как спектакль мужественности / М.С. Никифорова // Материалы XL научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов «Дни науки ТНУ им. В.И. Вернадского». — Симферополь: ДИАЙПИ. — С. 179—180.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КРИЗИСНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Красовская Наталия Рудольфовна

канд. психол. наук, г. Москва

E-mail: goulina@gmail.com

Анализ психологической сущности гендерной идентичности показывает, что осмысление проблемы кризисной идентичности личности оказывается неизбежно связанным с гендерными особенностями. Необходимо отметить, что, характеризуя гендерные особенности личности в период кризиса идентичности взрослого человека, важно учитывать не только состояние самоотношения, но и социально-психологические факторы влияющие на течение кризиса. В этой связи с целью выявления гендерных особенностей кризисной идентичности личности периода взрослости было проведено исследование, состоящее из трех этапов.

Первый этап предполагал подбор методик с последующей диагностикой испытуемых. С целью исследования статуса идентичности, а также личностной и социальной идентичности использовались тест «Эго-идентичность» (Эриксона-Марсиа) и методика «Личностная и социальная идентичность» (А.А. Урбанович). Для изучения выраженности гендерной репрезентации субъекта использовалась методика «Маскулинность-феминность» (С. Бем). При помощи данной методики была определена степень выраженности андрогинности, маскулинности и феминности личности испытуемых. Для изучения субъективного уровня отношений индивида к личностным изменениям, сопровождающим кризисную идентичность

исследовался уровень стрессогенности («Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации» Холмса и Раге), самоотношения («Опросник самоотношения» А.А. Бодалева и В.В. Столина и «Самооценка Дембо-Рубинштейн»), уровень субъективного контроля (УСК Е.Ф. Бажина, С.А. Гольнкиной, А.М. Эткинда) и способности или механизмы реагирования на конфликты (WIPPF Н. Пезешкиана).

На втором этапе исследования в связи с предположением о наличии гендерных особенностей кризисной идентичности у лиц различных периодов взрослости, были уточнены фазы кризиса и исследованы субъективные характеристики кризисной идентичности в разные возрастные периоды респондентов с различными гендерными особенностями с использованием корреляционного анализа (критерий г-Спирмена). Было выбрано три группы испытуемых, в соответствии с возрастной периодизацией кризиса идентичности взрослого человека Е.Л. Солдатовой [18]. Респонденты 24—33 года составили I группу (период ранней взрослости или молодость, N=62), 34—43 лет составили II группу (период средней взрослости, N=54) и 44—53 лет составили III группу (период зрелости, N=58).

На третьем этапе проводилось изучение факторной структуры кризисной идентичности методом главных компонент с вращением «варимакс-нормализованное», с целью определения структурных компонентов кризисной идентичности у лиц периода взрослости.

На четвертом этапе был проведен сравнительный анализ различий между группами респондентов разного возрастного диапазона, пола и гендера по критерию ANOVA. Кроме того проводилось сравнение испытуемых, имеющих и не имеющих семью, а также сравнение респондентов, имеющих различный уровень образования (высшее, неполное высшее и среднее) для изучения влияния этих факторов на особенности переживания личностью кризисной идентичности.

В качестве испытуемых выступили лица, обратившиеся за психологической помощью, в количестве 174 человек в возрасте 24—49 лет.

Для исследования гендерных особенностей кризиса эго-идентичности в различные возрастные периоды взрослого человека применялся критерий г-Спирмена, т. к. часть данных измерена в шкале порядка, а часть в шкале интервалов [14]. Кроме того, применение непараметрического критерия г-Пирсона было невозможно, поскольку распределение некоторых признаков значительно отличалось от симметричного вида [14]. Мы изучали корреляции между

личностными особенностями, демонстрирующими психологическое состояние личности и статусами эго-идентичности в различные возрастные периоды с различными гендерными особенностями. Иначе говоря, были рассмотрены корреляции между статусами идентичности по методике «Эго-идентичность» и всеми остальными признаками, что позволило разрешить противоречие возникающее при анализе результатов исследований Е.Л. Солдатовой и Дж. Марсиа, а также определить содержательные характеристики кризисной идентичности.

Проведенный корреляционный анализ выявил следующие закономерности. Получены положительные корреляции ($r=0,3-0,7$ при $p<0,01$) между всем показателям опросника ЛиСИ и статусом достигнутой эго-идентичности. Это свидетельствует о том, что достижение эго-идентичности как определённой системы ценностей и убеждений, которые субъект оценивает как лично значимые, характеризуется согласованием компонентов личностной идентичности (внутренний мир, будущее, здоровье) и социальной идентичности (работа, материальное обеспечение, семья, отношения с окружающими, я и общество).

Показатели личностной и социальной идентичности значимо отрицательно коррелируют со статусом эго-идентичности диффузия («работа» $r=-0,3$; «материальное обеспечение» $r=-0,3$; «я и общество» $r=-0,25$; «отношения с окружающими» $r=-0,24$; «будущее» $r=-0,5$; «внутренний мир» $r=-0,3$). Это свидетельствует о том, что статус идентичности — диффузный связан с отсутствием внутренней удовлетворенности своей нынешней работой, неуверенностью и неудовлетворенностью материальным и социальным положением, не способностью анализировать условия необходимые, для достижения жизненных целей, личностного развития. Это способствует отчуждению индивида с диффузным статусом от окружающих людей, общение с которыми не представляет для него ценности, в связи с утратой внутренней гармонии и тождественности. Полученные результаты находятся в соответствии с определением диффузной идентичности Дж. Марсиа [26] и других авторов (см. например [20]), которая характеризуется размытостью гендерных ролей, ценностей, идеологии, профессиональной ориентации и т. д. Однако положение авторов, о том, что диффузная идентичность возникает как следствие того, что индивид не проходил через кризис, вступает в противоречие как с данными Е.Л. Солдатовой [18], так и с полученными нами результатами. Так, с точки зрения Е.Л. Солдатовой и ряда других авторов, кризис идентичности отличается утратой самоидентичности, потерей равновесия, уверенности в жизни и недовольством

окружающими. Эти характеристики соответствуют описанию диффузной идентичности. В то же время статус идентичности мораторий, по мнению Е.Л. Солдатовой, может быть описан в категориях устранения от активного поиска идентичности, что подтверждается данными, полученными в настоящем исследовании, т. к. между мораторием и параметрами личностной и социальной идентичности не обнаружено не одной значимой взаимосвязи. Это демонстрирует состояние личностной индифферентности к социальным образцам.

Обнаружены отрицательные взаимосвязи между статусом предрешенности и признаками «материальное обеспечение» ($r=-0,2$), «отношение с окружающими» ($r=-0,2$), «будущее» ($r=-0,2$), позволяют утверждать, что состояние предрешенности сопровождается снижением целеустремленности и активности, направленной на установление хороших взаимоотношений, а также улучшением материального положения и отношением к планированию своей жизни. Полученные нами данные не противоречат концепции гетерохронного развития кризиса идентичности, согласно которой кризис возникает в результате нарастающего противоречия между новой социальной ситуацией и имеющимся у личности идеальным образом.

Полученные корреляционные связи подтверждают данные исследования Е.Л. Солдатовой [18], согласно которым в кризисе идентичности задействованы лишь три статуса: статус предрешенности и диффузии, которые отрицательно влияют на психоэмоциональное состояние индивида, в то время как достигнутая идентичность сопровождается гармонией и согласованностью компонентов личностной и социальной идентичности. Аналогичные результаты выявлены при исследовании взаимосвязей между личностными особенностями и статусами идентичности.

Статус идентичности предрешенность сопровождается снижением уверенности в себе, видением в себе по преимуществу недостатков, низкой самооценкой ($r=-0,3$; методика ОСО), в сочетании с неспособностью видеть и контролировать связи между своими действиями и значимыми событиями жизни («общая интернальность» $r=-0,55$; методика УСК), склонности приписывать ответственность за негативные события окружающим людям («интернальность в области неудач» $r=-0,45$), со снятием ответственности за события, происходящие в семейной («интернальность в семенных отношениях» $r=-0,34$) и производственной жизни («интернальность в сфере производства» $r=-0,27$). Это значит, что испытуемые со статусом

предрешиенности испытывают внутриличностный дискомфорт, который отражает тот факт, что сниженная самооценка и неуверенность в своих силах и возможностях обуславливают уход от ответственности за свою жизнь. Полученные нами данные совпадают с описанием статуса предрешиенности Дж. Марсиа [26] как пассивного усвоения норм, установок и частично с Е.Л. Солдатовой [18], характеризующей этот статус принятием внешне заданных ценностей и деятельности. Однако полученные нами результаты расходятся с данными Е.Л. Солдатовой утверждающей о наличие активности, самоуверенности и целеустремленности у личности с предрешиенным статусом идентичности. Расхождение результатов может быть обусловлено, с одной стороны, гендерными особенностями, поскольку гендерная идентичность рассматривается рядом авторов [4; 8; 9; 16] как элемент эго-идентичности, которая, как предполагает Л.В. Бызова [4], включает в себя иерархию жизненных ценностей, целей и представлений, имеющих традиционный гендерно-ролевой характер. А, с другой стороны, можно предполагать, что в данном случае мы имеем дело с кризисной идентичностью, которая в отличие от нормативного кризиса, детерминированого возрастными задачами, обусловлена стрессогенными ситуациями. Выдвинутое предположение подтверждается полученными значимыми взаимосвязями ($p \leq 0,001$) между статусом предрешиенность ($r=0,42$), статусом диффузия ($r=0,55$), статусом достигнутой идентичности ($r=-0,54$) и степенью стрессогенности личности .

Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что высокая степень стрессогенности личности, обусловленная различными проблемными ситуациями, имеющими в основном негативную окраску — изменение финансового положения (24 %), разрыв с партнером (20 %), увольнение с работы (18 %), изменение профессиональной ориентации, смена места работы (19 %), сопровождается выраженностью статусов идентичности предрешиенность и диффузия и снижением показателей, отражающих статус достигнутая идентичность.

Следовательно, можно утверждать, что кризисная идентичность отличается от нормативных кризисов развития тем, что она детерминирована проблемными ситуациями, которые сопровождаются соматизацией тревожности ($r=0,54$), сниженным самоотношением (r от $-0,26$ до $-0,52$), общей экстернальностью (r от $-0,26$ до $-0,57$) и чувством утраты идентичности как социальной (r от $-0,27$ до $-0,37$), так и личностной (r от $-0,35$ до $-0,39$);).

Вышеперечисленные характеристики сопровождают кризисную идентичность на начальной стадии (статус преддрешенность) и на критической стадии (статус диффузия). Так статус идентичности диффузия, соответствующий кризисной идентичности, как в период кризиса, так и в случае, когда идентичность не достигается, характеризуется снижением самооценки ($r=-0,26$; методика «Самооценка» Дембо-Рубинштейн), что сопровождается тревожностью, сомнениями в себе, своих способностях, переживаниями по малозначительным поводам, трудностями в принятии решений. Отрицательная взаимосвязь состояния идентичности диффузии с признаком «контакты» ($r=-0,25$; методика WIPPF) свидетельствует о снижении готовности общаться с другими людьми, вследствие того, что собственная система ценностей подвергается сомнению. Это объясняется страхом и неуверенностью личности, переживающей стадию сомнения и выражается в недоверии к окружающим, замкнутости и т. д. Наши данные соответствуют утверждению Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриевой [6] о том, что специфическими особенностями диссоциогенной (кризисной) идентичности являются острое переживание дискомфорта в межличностных отношениях, вплоть до «...элиминации всех отношений как с наиболее близкими, так и со всеми остальными людьми...» [6. С. 150].

Статистически значимые положительные корреляционные связи обнаружены между статусом достигнутой идентичности, представляющим, с точки зрения Е.Л. Солдатовой [18], завершающую стадию кризиса — стадию адаптации с показателями «самоотношение» ($r=0,3$), «основной индекс гендера» ($r=-0,25$), «интернальность» ($r=0,3$), «контакты» ($r=0,3$) и «фантазии» ($r=0,3$). Это свидетельствует о том, что для состояния достигнутой идентичности характерны самоэффективность, вера в собственные способности, реализация своих мотивов, целей, высокая эмоциональная самооценка себя по внутренним критериям и одновременно предполагаемая ценность своего «Я» для других, готовность к дружеским отношениям с окружающими. Принятие ответственности за свою жизнь в целом, осознание способностей, необходимых для реализации своих целей в будущем, творческий подход к решению проблем. При этом показатель достижения идентичности оказался более выраженным у маскулинной личности, характеризующейся активностью, уверенностью в своих силах. Полученные данные позволяют предполагать, что достижение идентичности включает в себя совокупность социальных и личностных компонентов, что согласуется с теоретическими положениями ряда авторов [15; 18; 21; 27 и др.]. При

этом, если идентичность не достигается, стрессоустойчивость личности снижается ($r=-0,54$), что вызвано критическими ситуациями, связанными с негативными событиями в жизни субъекта.

Таким образом, полученные корреляционные связи позволили выделить маркеры достижения успешности идентичности личности: положительное самоотношение, интернальный локус контроля во всех сферах, готовность к межличностным контактам, реализации своих целей в будущем, творческий подход к решению проблем.

Положительные корреляции между статусом идентичности мораторий и общей интернальностью ($r=0,3$), интернальностью в области неудач ($r=0,3$), демонстрируют, что личность выходит на стабильный этап, характеризующийся принятием своих сильных и слабых сторон, своих чувств, настоящего, прошлого и будущего. Эти составляющие ограничивают состояние устойчивости к фрустрации и ответственности соответствует характеристике приобретенной идентичности по Э. Эриксону [25]. Следовательно, статус идентичности мораторий отражает стабильную стадию идентичности личности, что не противоречит данным исследования Е.Л. Солдатовой [18].

Таким образом, корреляционный анализ показал, что полученная нами структура кризисной идентичности, аналогична выявленной Е.Л. Солдатовой, и включающей в себя стабильный период — мораторий, начало кризиса — предрешенность, его пик — диффузия и, наконец, выход из кризиса — достигнутая идентичность. При этом необходимо уточнить, что в случае, когда субъект не желает осознавать происходящих изменений и затрачивать усилия на поиск выхода из проблем, то идентичность не достигается [12], и в структуре личности на стабильном этапе доминирующей остается кризисная идентичность, актуализируемая на этапе кризиса.

Вместе с тем, полученные нами результаты несколько отличаются от данных Е.Л. Солдатовой, утверждающей о наличии связи между активностью, самоуверенностью и целеустремленностью личности и предрешенным статусом идентичности. В нашем исследовании предрешенная идентичность оказалась тесно связанной с экстарнальностью и снижением показателя самоотношения. Полученные расхождения позволили предположить, что протекание кризисной идентичности обусловлено гендерными особенностями, являющимися компонентами эго-идентичности. Это позволило сформулировать идею о, наличие определенной гендерной специфики кризисной идентичности в различные возрастные периоды взрослого человека. Для проверки этой гипотезы было предпринят корреляционный анализ взаимосвязи личностных особенностей со

статусами эго-идентичности в разные возрастные периоды у маскулинной, андрогинной и феминной личностей. С этой целью выборка была разделена на три большие группы по возрастному диапазону (молодость, средняя зрелость и зрелость), а затем каждая из этих групп, в свою очередь, делилась на три подгруппы (маскулинные, андрогинные и феминные респонденты). В каждой группе и в каждой подгруппе по отдельности изучались взаимосвязи между статусами эго-идентичности и остальными признаками, отражающими субъективные проявления кризисной идентичности.

Результаты корреляционного анализа позволили уточнить особенности проявления гендерных и возрастных характеристик кризисной идентичности и содержательно описать их. Было обнаружено, что не все статусы идентичности неоднородны в зависимости от возраста. Нами выявлены возрастные особенности на предкритической фазе, фазе адаптации и в стабильном периоде и их отсутствии при достижении статуса «кризисная идентичность». Наступление кризиса во всех возрастных периодах зрелости характеризуется ощущением снижения способности контролировать свою жизнь и ситуации во всех сферах. При этом в раннем и среднем периодах зрелости это состояние сопровождается внутренней напряженностью, неуверенностью в своих возможностях противостоять влиянию внешних обстоятельств. Кроме того, в период средней зрелости во время предкритической фазы возникающие перед личностью проблемы не решаются, а возникающее дискомфортное состояние снимается посредством актуализации общения.

Вместе с тем, во второй фазе кризиса идентичности — критической, соответствующей кризисной идентичности при дифференцировании на возрастные периоды не удалось выявить возрастную специфику. Это свидетельствует о том, что пиковая фаза для всего периода зрелости является гомогенной, следовательно, подтверждается выдвинутая нами гипотеза о том, что характеристики кризисной идентичности личности разных периодов зрелости не отличаются друг от друга. В то же время можно предположить, что такой фактор, как гендер внесет определенную специфику в возрастные различия кризисной идентичности.

Третья фаза кризиса и стабильный период носят не однородный характер. В фазе адаптации личность периода ранней зрелости отличается высоким уровнем ответственности за свою жизнь, который характерен также и для лиц периода зрелости. Они считают, что большинство важных событий в их жизни является результатом их собственных действий, что они могут ими управлять, и, таким

образом, они чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом. Помимо этого, идентичность достигнутая, в период ранней взрослости, отличается наибольшим стремлением к самопринятию, самоэффективностью, верой в способности, реализацией своих мотивов, целей, высоким уровнем притязаний, творческим подходом к решению проблем. Высокий уровень субъективного контроля характерный для стабильного периода у субъектов ранней взрослости, актуализируется в зрелом возрасте, в котором актуализируется позитивное отношение к физическому контакту.

В то же время психологические особенности проявлений адаптационного и посткритического периода в средней взрослости носят размытый характер, который лишь частично нивелируется гендерными особенностями. В частности, в завершении кризиса идентичности только у маскулинных индивидов отмечается ожидание положительного отношения от других, мнение о том, что собственная личность, характер и деятельность способны вызвать в других людях уважение, симпатию, одобрение и понимание. У феминных субъектов, (в стабильный период) выявлен высокий уровень субъективного контроля в профессиональной сфере, сопровождаемый неуверенностью в своих возможностях и способностях. Сохраняющаяся в стабильный период неуверенность может, по всей видимости, быть обусловлена негативным отношением к своей личности в предкризисный период и отчуждением от себя в период пика кризисной идентичности.

Предкритическая фаза феминных субъектов периодов ранней и средней взрослости отличается сниженным самоотношением к собственной личности, тогда как в зрелый период эти индивиды обнаруживают положительное самоотношение. Вышеуказанные результаты позволяют разрешить противоречие между данными, полученными в нашем исследовании, и данными Е.Л. Солдатовой [18] о наличии у опрошенных самоуверенности в дебюте кризиса идентичности. Следовательно, излишняя уверенность в себе в преддверии кризисной идентичности свойственна только феминной личности в зрелый период, тогда как для всех остальных индивидов (маскулинных, андрогинных) в различные возрастные периоды начало кризисной идентичности тесно связано со снижением самооценки и сомнениями в собственных ресурсах. Этот факт можно объяснить, значимостью образа родителя в детстве при становлении гендерной идентичности, когда формирование феминной идентичности, по данным Е.М. Ижвановой [8], связано с негативностью мужского

образа. Полученные нами данные позволяют сделать вывод об актуализации такой психологической защиты, как «компенсация» в предкритической фазе, гиперутверждении своего «Я», в противовес доминанте по маскулинности транслируемой постмодернистским обществом [1; 5; 6; 7].

Кроме того, особенности феминной личности ранней взрослости в предкритический период отличаются устойчивой потребностью в близких отношениях с окружающими людьми, которые частично актуализируются (при возникновении проблем) у маскулинных индивидов в период средней взрослости. Кризисная идентичность феминной личности периода ранней взрослости характеризуется ответственностью в профессиональной сфере. Это свидетельствует о наличии у личности потребности нивелировать симптомы кризиса посредством активной профессиональной жизни, что, с одной стороны, согласуется с результатами исследований, утверждающих приоритетность профессиональной сферы в период молодости [3; 18; 17; 19], а с другой, вступает в определенное противоречие с данными ряда авторов [10; 12; 20 и др.], утверждающих, что для мужчин более значимым является профессиональное становление, а для женщин — семья. Однако, во-первых, в большинстве исследований представлены результаты не гендерных, а половых различий, а, во-вторых, имеются результаты исследований, демонстрирующих, что для женщин, также, как и для мужчин приоритетным является создание семьи и рождение детей, наряду с профессиональным становлением и освоением знаний в период молодости [18].

У андрогинных субъектов ранней взрослости начальная и основная фазы в структуре кризиса не представлены, что, как указывалось выше, может быть обусловлено менее острым течением кризиса, нейтрализацией гендерных оппозиций в когнитивных структурах [2]. Кроме того отсутствие выраженности предкритической и критической фаз у лиц в период молодости можно объяснить большей адаптивностью, поскольку согласно теории психологической андрогинии, наиболее, адаптивны и продуктивны именно андрогинные личности [22; 23; 24]. В фазе «достигнутая идентичность» актуализируются стремление к истине, откровенности, готовность к дружеским отношениям с окружающими. Однако в стабильный период у данной группы опрошенных происходит потеря интереса к собственным чувствам, мыслям, снижается аутентичность. Полученные результаты отражают тот факт, что при сокращении межполовой дифференциации, согласно положениям И.С. Клецкиной [11], возникает

некоторая дезинтеграция личности. Это подтверждается результатами обследования лиц периода средней зрелости и зрелости, для которых начало кризиса сопровождается острым непринятием себя, а выход из кризиса - отсутствием четких ориентиров. Таким образом, кризисной идентичности менее остро происходит у андрогинных субъектов периода ранней зрелости, по сравнению с лицами средней зрелости и зрелости. Негативный характер их переживания приводит к трудностям в формировании идентичности.

У маскулинных и андрогинных субъектов средней зрелости, стабильный период отсутствует, а у зрелых личностей — отсутствует критическая фаза, что, по всей видимости, обусловило негативные последствия в посткритической и стабильной фазе — маскулинные респонденты зрелого периода характеризуются самообвинением и ожиданием негативного отношения к себе. Тогда как маскулинные индивиды ранней зрелости отличаются наиболее продуктивным выходом из кризиса, чем в период средней зрелости и зрелости. Им свойственны обретение самоуважения, высокий уровень субъективного контроля в профессиональной и семейной сфере в посткритическую фазу и установление физического контакта (способность к интимному общению выступает одной из основных задач становления идентичности в период молодости, с точки зрения Э. Эриксона) в сопровождении с зависимостью от мнения окружающих. Это свидетельствует о том, что в целом маскулинная личность отличается более продуктивным выходом из кризиса идентичности, в отличие от феминной и андрогинной. Несмотря на наличие примерно одинаковых параметров, характеризующих период начала кризисной идентичности во всех возрастных группах маскулинных респондентов, можно выделить характерные для них особенности, касающиеся снижения субъективного контроля в профессиональной сфере и фиксации на проблемах в межличностных отношениях. Указанные характеристики в критической фазе обостряются и проявляются в виде недоверия к себе и к окружающим, изоляции от общения, психосоматическими проблемами, что отражает особенности кризисной идентичности маскулинной личности. Кроме того, у феминных и андрогинных респондентов и первая, и вторая фаза кризиса сопровождаются снижением самооценки. Полученные результаты сопоставимы с данными исследований, авторы которых отмечают, что мужчинам свойственна неудовлетворенность деятельностью и социальным окружением при переживании критической фазы кризиса [10; 18]. При этом, если в молодости на первое место выходит профессиональная сфера, то в зрелый период

появляется неудовлетворенность собой и жизнью и негативные переживания, выражающиеся в соматических симптомах [17; 18].

Таким образом, обобщая результаты корреляционного анализа, можно утверждать, что появление кризисной идентичности сопровождается чувством потери гармонии, самоощущения, снижением уровня субъективного контроля, ощущения уверенности в жизни и общительности, недовольством собой и окружающими. Эти проявления достигают пика в критической фазе — кризисная идентичность, к которой добавляются психосоматические проблемы. Кризис заканчивается формированием позитивного самоотношения, ощущением самостоятельности, ответственности, улучшением межличностного взаимодействия, способствующими переходу в стабильную фазу. Следовательно, успешное прохождение кризиса идентичности в любом периоде взрослости связано с уровнем субъективного контроля, самоотношением, психосоциальными и гендерными характеристиками.

Список литературы:

1. Алешина Ю.Е. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины [Текст] / Ю.Е. Алешина, А.С. Воловин [Текст] // Вопросы психологии. — 1991. — № 6. — С. 78—82
2. Белинская Елена Павловна Идентичность личности в условиях социальных изменений: автореф. дис. ... кандидата наук : 19.00.01 [Текст] / Л.И. Белинская ; Москов. гос. ун-т. — Москва, 2006. — 49 с.
3. Бутковская, С.А. Становление гендерной идентичности в процессе профессионального самоопределения : автореф. дис. ... канд. наук : [Текст] / С.А. Бутковская ; Дальневост. гос. ун-т путей сообщения. — Хабаровск, 2007. — 26 с.
4. Бызова, Л.В. Влияние гендерной идентичности на социально-психологическую адаптацию женщин автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. [Текст] / Л.В. Бызова ; Ярославский гос ун-т им П.Г. Демидова. — Ярославль., 2006. — 21 с.
5. Грошев, И.В. Полоролевые стереотипы в рекламе [Текст] / И.В. Грошев // Психол. журнал. —1998. —Т. 19. — № 3. — С. 112—119.
6. Дмитриева, Н.В. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире : монография [Текст] / Н.В. Дмитриева, Ц.П. Короленко. — Новосибирск : НГПУ, 2009, — 248 с.
7. Зуйкова Е.М. Феминология [Текст] / Е.М. Зуйкова, Р.И. Ерусланова — М. : Фаир-Пресс, 2001. — 480 с.
8. Ижванова, Е.М. Развитие полоролевой идентичности в юношеских и зрелых возрастах : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 [Текст] / Е.М. Ижванова ; Московский гос. ун-т. — Москва, 2004. — 30 с.

9. Иорданов, А.Ф. Особенности развития гендерных структур интегральной индивидуальности у студентов гуманитарного вуза : автореф. дис. ... канд. психол. наук 19.00.07 [Текст] / А.Ф. Иорданов ; Пятигорский гос. лингв. ун-т. — Ставрополь, 2003. — 20 с.
10. Качанова, Н.А. Социально-психологические аспекты влияния интенсивных интегративных психотехнологий на динамику психодуховного кризиса : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 [Текст] / Н.А. Качанова ; Ярославский гос. ун-т. им. П.Г. Демидова. — Ярославль, 2003. — 22 с.
11. Клецина, И.С. Гендерные барьеры на пути личностной самореализации // Психологические проблемы самореализации личности [Текст] / И.С. Клецина. — СПб. : СПбГУ, 1999. - Вып. 3.-С. 154—168.
12. Козлов В.В. Социальная работа с кризисной личностью [Текст] / В.В. Козлов ; Методическое пособие. — Ярославль, 1999. — 303 с.
13. Манукян, В.В. Субъективная картина жизненного пути и кризисы взрослого периода автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 [Текст] / В.В. Манукян ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. - СПб., 2003. — 23 с.
14. Наследов, А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных [Текст] / А.Д. Наследов. — СПб. : Речь, 2004. — 392 с.
15. Овчинникова Ю.Г. Роль конструктивного кризиса идентичности в развитии личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 [Текст] / Ю.Г. Овчинникова ; Москов. гос. ун-т — Москва 2004. — 29 с.
16. Ожигова, Л.Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации : автореф. дис. ... докт. психол. наук : 19.00.01. [Текст] / Л.Н. Ожигова ; Кубанский гос. ун-т. — Краснодар, 2006. — 46 с.
17. Петраш, М.Д. Кризисы профессиональной жизни в контексте развития взрослых : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13. [Текст] / М.Д. Петраш ; Санкт-Петербургский гос. пед. ун-т. — СПб, 2004. — 24 с.
18. Солдатова, Е.Л. Нормативные кризисы развития личности взрослого человека : автореф. дис. ... докт. психол. наук : 19.00.01 [Текст] / Е.Л. Солдатова ; Уральский. гос. ун-т. им. А.М. Горького — Екатеринбург., 2007. — 43 с.
19. Терешенкова, Е.Ю. Социокультурные аспекты развития гендерной идентичности в подростковой возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук: [Текст] /Е.Ю. Терешенкова ; Нижегородский. гос. пед. ун-т. — Москва 2005. — 21 с.
20. Ходаковская, О.В. Социальная и личностная идентичность в юности : автореф. дис. ... канд. наук : [Текст] / О.В. Ходаковская ; Рос. гос. пед. ун-т. — Санкт-Петербург 2006. — 22 с.
21. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис [Текст] / Э. Эриксон ; пер. с англ., под общ. ред. А.В. Толстых — М. : Флинта ; МПСИ ; Прогресс, 2006. — 352 с.

22. Юнг, К.Г. Архетип и символ [Текст] / К.Г. Юнг ; пер с англ. — М.: Ренессанс, 1991. — 304 с.
23. Юнг, К.Г. Сознание и бессознательное: Сборник [Текст] / К.Г. Юнг ; пер с англ. А.А. Алексеева.— СПб. : Университетская книга, 1997.— 544 с.
24. Bem, S.L. Theory end measurement of androgyny [Text] / S.L. Bem . — J. Personal. Soc. Psychol., 1979, vol. 37, — P. 1047—1054.
25. Eagly, A. Sex difference in social behavior. A social role interpretation [Text] / A. Eagly. — Hillsdale, New jersey: Lawrence Erlbaum, 1987.
26. Marcia, J.E. Ego-identity status: Relationship to change in Self-esteem, “general maladjustment” and authoritarianism [Text] / J.E. Marcia // Journal of Personality. V.38. 1970. — No. 2.— P. 249—268.
27. Marcus, S. The Other victorians. A Study of sexuality and pornography in mid-nineteenth-century England [Text] / S. Marcus. — New York : Random House, 1966. — 292 p.

СЕКЦИЯ 2.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В ПЕДАГОГИКЕ

ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ЛИЦЕЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Долгова Валентина Михайловна

Магистр педагогики,

Оренбургский государственный педагогический университет,

г. Оренбург

E-mail: tigra-74-74@mail.ru

Анализ научно-педагогической литературы показывает, что гендерные аспекты образования привлекают внимание многих российских исследователей (В.Д. Еремеева, С.Н. Жданова, И.С. Клецина, Л.В. Попова, Л.И. Столярчук, Л.В. Штылева и др.), что подтверждает актуальность тенденции все более интенсивного изучения гендерной специфики человеческой деятельности, усиленно развивающейся в последние десятилетия в человекознании.

Само слово «гендер» применяется в значении «социальный пол», «представление (репрезентация) каждой индивидуальности в терминах специфических социальных отношений» [7; 9]. Исследователи подчеркивают отличие гендера от биологического пола, отмечают его социальную природу происхождения, в которой гендер рассматривается как социальный конструкт, содержащий определенные нормы для мужского и женского действия и взаимодействия, предписанные и воссоздаваемые обществом [3; 4; 6; 7; 9]. К. Уэст отмечает, что «"гендер" определяется концепцией задач, функций и ролей, предназначенных обществом женщинам и мужчинам в их общественной и личной жизни» [8, с. 46].

В настоящее время гендер является предметом междисциплинарных исследований, позволяющих уточнять соотносимость общего единого и дифференцированного понятийного аппарата. Гендерные исследования представлены в двух аспектах: первый предполагает реализацию гендерного подхода как научной теории и исследовательской практики, второй — как образовательной практики,

включающей разработку и преподавание гендерно ориентированных учебных дисциплин.

Гендерный подход фокусирует внимание специалистов на учете интересов обеих социально-половых групп общества. Суть данного подхода состоит в том, чтобы найти специальные меры для достижения гендерного равенства. *Целью гендерного подхода* в образовании является деконструкция традиционных культурных ограничений развития потенциала личности в зависимости от пола и создание условий для максимальной самореализации и раскрытия способностей мальчиков и девочек, что требует не просто изменения, но разработки новых способов научения, отличных по качеству способам организации учебного процесса и темпам от традиционных [3; 9].

В целом в системе образования существует парадоксальное явление: образование в нашей стране — мужское по своему содержанию, так как учебные планы, учебные предметы имеют определенную технократическую, естественнонаучную тенденцию и построены с расчетом включения подготовленного ученика в технологические процессы. Вследствие этого, акцентирует Л.В. Штылева, являются предпочтительными и мужские стили познания. Но формы организации обучения, способы передачи знаний выстроены таким образом, что являются преимущественно женскими по своим психофизиологическим параметрам [9].

В связи с этим *с наибольшими трудностями в адаптации к образовательной среде* в начальном звене сталкиваются мальчики, так как их психофизиологические особенности часто мешают им быть «примерными» учениками. В среднем звене картина меняется, так как на первый план выходят другие подходы в обучении, преимущественно мужские, и на втором плане оказываются девочки. При этом социальный опыт и мальчиков, и девочек в школах оказывается обедненным в силу того, что и те, и другие лишены делового сотрудничества с мужчинами. Необходимо отметить, что большая роль в гендерном образовании отводится учителю, перед которым ставится непростая задача преодоления формализма в обучении и воспитании, поворота к интересам и потребностям конкретного ребенка, к умению видеть, слышать и понимать его своеобразие, индивидуальные и возрастные особенности вне зависимости от пола. С этой целью в школе должны быть созданы все возможные условия для повышения информированности учителя по вопросам гендерного обучения и сохранения здоровья учащихся в

образовательном процессе по результатам школьных мониторингов для внесения своевременных коррективов в работу [1; 2].

Гендерная педагогика — это совокупность подходов, направленных на то, чтобы помочь детям чувствовать себя в школе комфортно и справиться с проблемами социализации, важной составной частью которых является самоидентификация ребенка как мальчика или девочки. *Цель гендерной педагогики* — коррекция воздействия гендерных стереотипов в пользу проявления и развития личных склонностей индивида [8]. *Гендерный подход* в любой сфере предполагает, что различия в поведении и воспитании мужчин и женщин определяются не столько их физиологическими, биологическими, анатомическими особенностями, сколько социально-культурными факторами. Такой конструктивистский подход предполагает изживание негативных гендерных стереотипов: раз они не врожденные, а сконструированы обществом, значит, их можно изменить, меняя сознание общества. *Основная идея гендерного подхода* в образовании — в учете специфики воздействия на развитие мальчиков и девочек всех факторов учебно-воспитательного процесса (содержания, методов обучения, организации школьной жизни, педагогического общения, набора предметов и др.) [4].

Рассмотрим с позиций гендерного своеобразия характеристики мальчика и девочки, созданные в ходе анализа научных работ по проблеме. Различие мальчиков и девочек дается в работах нейрофизиологов В.Д. Еремеевой и Т.П. Хризман, которые выявили различную скорость созревания образований головного мозга у мальчиков и девочек, необходимость учитывать темпы развития левого и правого полушария, которые у мальчиков и девочек различны [1]. У девочек значительно быстрее развиваются функции левого полушария, ответственного за осознаваемые произвольные акты, словесно-логическую форму памяти, рациональное мышление, положительные эмоции. А у мальчиков быстрее созревает правое полушарие, лидирующее в реализации непроизвольных интуитивных реакций, иррациональной мыслительной деятельности, образной памяти, отрицательных эмоций. Девочки лучше осознают свое поведение и умеют им управлять, осмысливать поступки в разных направлениях, чаще открыто радуются. В проявлениях мальчиков более медленное развитие левого полушария ведет к незрелости сферы положительных эмоций, что сказывается в поведении, где легче и ярче проявляются отрицательные эмоции, некоторая агрессивность. Т.П. Хризман подчеркивает, что для мальчиков более значима эмоционально положительная оценка его деятельности, для девочек —

отрицательная; для мальчиков — «что» оценивается в его деятельности, для девочек — «кем» производится оценка; мальчики проявляют более низкие показатели понимания другого человека, поскольку у мальчиков «понимание» другого происходит через интеллектуальное сходство, у девочек — через эмоциональное сочувствие, сопереживание. Девочки редко переоценивают качества своей личности и дают адекватную или заниженную из-за большой критичности самооценку. Завышенная либо заниженная самооценка мальчиков связана с низким уровнем оценки другого [1]. Следовательно, мальчики более подвижны, чем девочки, для детей 7—5 лет травмы у мальчиков случаются чаще в 2 раза; трудновоспитуемые — чаще мальчики, их чаще ругают, меньше берут на руки; до 8 лет острота слуха у мальчиков выше, чем у девочек; мальчики лучше решают задачи и отгадывают кроссворды; мальчики более возбудимы, раздражительны, беспокойны, нетерпимы, не уверены в себе и более агрессивны, чем девочки. Девочки чувствительны к шуму, резкие звуки их раздражают, у них больше развита чувствительность кожи, поэтому девочкам надо чаще гладить их кожные покровы; у девочек лучше развита беглость речи и скорость чтения; у девочек лучше развита мелкая моторика рук, поэтому они пишут аккуратно и лучше выполняют работу, связанную с мелкой моторикой (вышивание, бисероплетение). Мозг девочек готов к ответу на любую неприятность, готов отреагировать на воздействие с любой стороны (инстинкт выживания), так как цель женского пола — рождение жизни и ее сохранение. А цель мужского пола — это прогресс. Открытия делают мужчины, а женщины эти открытия совершенствуют [6]. При оценке поведения детей и результатов их деятельности (рисунка, лепки, аппликации, поделки, конструкции и т. п.) учителю необходимо помнить, что девочки крайне чувствительны к интонациям, к форме оценки, ее публичности. Для девочек очень важно, чтобы ими восхищались в присутствии других детей, родителей и т. п. Для мальчиков наиболее значимым является указание на то, что он добился результата именно в этом: научился здороваться, следить за своей одеждой, конструировать что-то и т. п. Каждый приобретенный навык, результат, который мальчику удалось получить, положительно сказывается на его личностном росте, позволяет гордиться собой и стремиться к новым достижениям. Особенно заметны различия девочек и мальчиков в игровой деятельности. Ученые отмечают разное содержание и игровые стили, которые часто не могут быть реализованы детьми в силу того, что педагогам - женщинам ближе тихие игры девочек на семейно-бытовые

темы. Шумные, наполненные движением игры мальчиков вызывают у учителей раздражение, так как они считают, что такого рода игры являются лишь бессмысленной беготней и могут привести к травме, а следовательно, им не место в жизни класса и они должны быть прекращены. В результате мальчики лишены истинно «мужских игр», что отрицательно сказывается на их личностном развитии. Мальчики очень любят дружеские потасовки, что не является проявлением агрессии и создает у детей положительный эмоциональный фон. Педагоги не всегда правильно понимают потребность мальчиков в этих потасовках и резко прерывают их, лишая детей радости, которую они при этом испытывают. Очевидно, настало время для того, чтобы сформировать у учителей правильное отношение к подобного рода занятиям мальчиков и научить их руководить ими. Игры мальчиков более предметны, девочек — более словесны, поэтому они играют в вербальные игры, мальчики предпочитают возиться с конструктором. Игра детей отражает традиционный взгляд на роль мужчины и женщины в обществе. Девочки ежедневно ухаживают за домом, заботятся о детях, выходят замуж. Мальчики воюют на войне, водят машины, занимаются строительными работами. В игре закладываются и основы нравственности: великодушие, надежность, уважение к девочкам (женщинам) — у мальчиков и доброта, терпеливость, верность, уважение к мальчикам (мужчинам) — у девочек [2; 6].

Для моделирования проблемных ситуаций в ходе адаптации мальчиков и девочек к образовательной среде лица имеет значение выявленная С.Н. Ждановой [3] гендерная специфика алгоритмов процесса мироосвоения: от эмоционального компонента к смысловому — у девочек; и от интеллектуального к эмоциональному — у мальчиков. Это открытие выявляет опорные моменты в запуске механизма социальной адаптации мальчиков и девочек к образовательной среде лица: у девочек основой служит свойственное им умение проникать во внутренний мир другого человека, интерес к внутреннему состоянию людей, умение видеть их положительные и отрицательные стороны; у мальчиков — опора на рациональные свойства познания, использование эмоционального импульса как катализатора интеллектуальной, ассоциативной деятельности, условие возбуждения смыслового (интеллектуального) кода восприятия. Уровень реализации дифференцированно-гендерного подхода в адаптации школьников зависит и от диагностических умений и навыков педагога по изучению социальной и жизненной ситуации учащихся, их личностного развития, условий и качества образовательной среды. У психологов и педагогов в последнее время

вызывает тревогу то, что в категорию слабоуспевающих и неуспевающих детей попадают внешне благополучные дети, имеющие достаточно высокий уровень умственного и физического развития. Применение гендерного подхода позволяет вскрыть целый ряд проблемных ситуаций, позволяющих активизировать адаптацию школьника в образовательной среде лица как процесс освоения социальной среды, направленный на удовлетворение потребностей личности, гармонизацию отношений с окружающими и собственное развитие в данной среде. Подчеркнем, что лица как инновационные образовательные учреждения нового типа имеют специфику образовательной среды, характеризующуюся открытостью системы, ориентированной не только на конечный результат, но и на процесс приобретения знаний, общеучебных и социальных компетентностей, опыта поведения; целевой направленностью на углубленное образование и предметную профилизацию; введением в учебный план начальной школы предметов углубленного изучения, приобщением учащихся к научно-исследовательской деятельности; использованием в учебно-воспитательном процессе научного и преподавательского потенциала и материальной базы вузов.

В целом школа как один из основных институтов гендерной социализации сегодня активно воспроизводит складывавшиеся веками стереотипы. Реализация гендерного подхода в образовании дает модернизацию гендерных стереотипов. На сегодняшний день выделено несколько *направлений работы с детьми по дополнению и расширению возможностей их социальной адаптации*: дополнение зон самореализации детей (например, поощрение девочек к занятиям спортом, а мальчиков — к самообслуживанию); организация опыта равноправного сотрудничества мальчиков и девочек в совместной деятельности; снятие традиционных культурных запретов на эмоциональное самовыражение мальчиков, поощрение их к выражению чувств; создание с девочками опыта самопоощрения и повышения самооценки (например, технология дневника с фиксированием успехов); создание условий для тренировки межполовой чувствительности (например, через театрализацию, обмен ролями); привлечение обоих родителей (а не только матерей) к воспитанию детей [1; 9].

Таким образом, основой для моделирования проблемных ситуаций в адаптации школьников является гендерный подход, который мы рассматриваем как дальнейшее развитие совокупности научных идей и положений о конструировании гендера и реализации дифференцированно-личностной составляющей педагогической

деятельности, направленной на проявление ребенком своей идентичности. В результате применения проблемных ситуаций гендерного характера учащийся как субъект педагогического процесса оказывается всегда вовлеченным в социальную адаптацию, в любом возрасте, условиях жизни, во взаимодействии со средой, интегрируя влияния различных факторов и рисков, преобразуя их в соответствии со своими индивидуальными, возрастными и гендерными различиями. Стратегия гендерного подхода дает возможность мальчикам и девочкам, опираясь на их способности, склонности, интересы и ценностные ориентации, реализовать себя в творческом познании, разнообразной учебной деятельности и поведении.

Список литературы:

1. Битянова М.Р. Адаптация ребенка в школе: диагностика, коррекция, педагогическая поддержка// Сб. метод. матер. для администр., педагогов и шк. психологов. М., 2004. 123 с.
2. Еремеева В.Д. Мальчики и девочки. Учить по-разному, любить по-разному: Нейропедагогика — учителям, воспитателям, родителям, школьным психологам. Самара, 2010. 160 с.
3. Жданова С.Н. Социально-педагогические аспекты дифференцированного воспитания девочек и мальчиков: Учеб. пособие. Оренбург, 2009. 55 с.
4. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб., 2009. 380 с.
5. Корель Л.В. Социология адаптации: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2007. 423 с.
6. Попова Л.В. Некоторые тенденции в ценностных ориентациях девочек и мальчиков младшего подросткового возраста // Женщина в российском обществе, 1996. № 4. С. 27—33.
7. Столярчук Л.И. Теоретико-методологические аспекты воспитания: гендерное измерение //Теоретико-методологические проблемы современного воспитания: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.К. Сергеева, Н.М. Борытко. Волгоград, 2004. С. 54—61.
8. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Основы гендерных исследований: Хрестоматия. М., 2011. 340 с.
9. Штылева Л.В. Педагогика и гендер: развитие гендерных подходов в образовании [электронный ресурс] — Режим доступа. - URL: <http://www.ivanovo.ac.ru/win1251/jornal/jornal3/shtil.htm>. (дата обращения: 29.08.11).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОСПИТАНИЯ ПРАВСТВЕННЫХ ЖЕНСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ У ДЕВОЧЕК В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Зотова Дина Александровна

*ст. науч. сотр. отдела сопровождения Федеральных государственных образовательных стандартов Центра развития образования Пермского края, г. Пермь
E-mail: zotovad@mail.ru*

Современная образовательная ситуация определяется тем, что Россия, как и весь мир, живёт в эпоху социально-экономических перемен. Этим объясняется идентичность проблем, решаемых в области образования разными государствами. Потребность в осмыслении социального статуса женщины, её роли в современном обществе вызывает необходимость исследования проблем специфики женского воспитания. Важность их постановки и решения диктуется, прежде всего, практикой современного воспитания, в которой отсутствует дифференцированный половозрастной подход, что приводит в дальнейшей жизни к непониманию предназначения и роли женщины в обществе, а выпускницы школ, оказываются, плохо подготовлены к семейной жизни, воспитанию детей.

На фоне социальных и политических потрясений последнего времени происходят в российском обществе изменения гораздо менее заметные, но оказывающие глубокое и долговременное влияние на весь строй повседневной жизни и отношения самых близких людей. Они совершаются медленно, неуклонно и захватывают практически всех. Эти изменения охватывают унаследованные нами из глубокого прошлого представления о норме и отклонения от нормы, о долге, о свободе, о социальных ролях, которые мы обязаны сыграть. Именно к такого рода явлениям принадлежат и происходящие на наших глазах изменения женской роли в нашем обществе.

Русская, как и другая, женщина выполняет разнообразные социальные роли, активно продвигается по карьере, участвует в женском движении. Данная ситуация способствует тому, что утрачивается естественное предназначение женщины быть матерью и хранительницей семейного очага. У современных девушек отсутствует ориентация на семью, и, как следствие, фиксируется постоянный рост числа разводов. По статистическим данным в России до 80 % заключённых браков расторгается. Обеспокоенность общества в сохранении основных функций женщины — быть матерью и женой —

является одной из причин обращения к анализу историко-педагогического опыта женского воспитания. Поэтому изучение опыта прошлого, когда такие проблемы решались в женских учебно-воспитательных заведениях закрытого типа, представляется полезным и подсказывается самой жизнью.

К задачам нравственного воспитания относятся и воспитание соответственно полу. Но ни семья, ни школа не справляются на должном уровне с поставленной задачей. Вследствие чего современная девочка, девушка, женщина не является носителем ряда качеств, входящих веками формируемого набора женских добродетелей.

Актуальность проблемы:

Закон «Об образовании» предусматривает равные права на получение образования независимо от пола. Декларируя принцип равного доступа к образованию для всех, образование должно выполнять функцию обеспечения этого равенства, в том числе и гендерного.

В соответствии с указаниями Комиссии по вопросам положения женщин в Российской Федерации при Правительстве РФ от 22 января 2003 года «Об освещении гендерных вопросов в системе образования», Министерство образования 17-10-2003 опубликовало официальные рекомендации по изучению основ гендерных знаний в системе образования. Приказ предусматривает введение в образовательные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки управленческих кадров, преподавателей и учителей специальные курсы по изучению основ гендерных знаний, гендерной политике, методов гендерного подхода в управлении образовательными процессами.

В концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России говорится: «Важнейшей целью современного отечественного образования и одной из приоритетных задач общества и государства является воспитание, социально-педагогическая поддержка становления и развития высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина»

Меняются и требования к ученику. Выпускник должен быть не только знающим, но и творчески мыслящим, коммуникабельным, креативным. Современный социальный заказ в сфере образования требует от школы: «Создание условий для индивидуального развития каждого обучающегося (включая одарённых детей и детей с ограниченными возможностями здоровья), обеспечивающих рост

творческого потенциала, познавательных мотивов, обогащение форм учебного сотрудничества и расширение зоны ближайшего развития».

Педагогическая практика позволяет выявить в работе противоречие между существующей практикой инвариантного проектирования уроков и разными способами усвоения, владения и восприятия учебной информации у девочек и мальчиков, между наличием гендерного потенциала педагогических технологий и отсутствием разработанных приемов его использования для решения образовательных и воспитательных задач в образовательном и воспитательном процессе.

На практике возникает проблема, какими должны быть цели, содержание, методы, формы взаимоотношения учителя и учащихся, чтобы обеспечивать развитие личностных компонентов и девочек, и мальчиков, как грамотно дифференцировать задания для учащихся, обучаемых и воспитуемых в классах смешенного типа.

Обучение и воспитание с учетом гендерных особенностей требует отбора такого содержания учебного материала и применение таких методов и форм обучения, которые соответствовали бы разному типу функциональной асимметрии мозга в восприятии информации девочками и мальчиками, отвечали бы запросам и тех, и других в отношении к учебной работе.

Гендерный подход в обучении и воспитании — это переосмысление способов и методов обучения через призму женского и мужского восприятия; это принятие учителем личности учащегося с позиций его гендерных особенностей.

Анализ теоретических аспектов и педагогической практики показал, что обучение и воспитание с учетом идей гендерного подхода способствует повышению качества обучения, воспитания и самореализации.

Совместное обучение и воспитание мальчиков и девочек на основе идей гендерного подхода может рассматриваться как одно из условий оптимизации учебного процесса, а методы обучения и воспитания с учетом гендерных особенностей учащихся — как соответствие принципу природосообразности, способствующее наибольшему росту личности учащегося в образовательном и воспитательном процессе.

Современное российское образование отличает стремительная смена реформ, результатом которой является определение новых подходов к организации, содержательному наполнению, технологическому оснащению педагогического процесса. В ходе динамичных преобразований различных моделей педагогической

теории и практики все более очевидным становится признание необходимости в определении общих оснований, составляющих базис реализации основных функций образования.

Поскольку образование относится к сфере социально-культурных отношений, то и основные его функции целесообразно рассматривать в аспекте решения общественных задач.

Важнейшее место среди них занимает воспитание нравственных женских добродетелей у девочек.

На современном этапе развития общества одной из целей образовательных учреждений становится создание условий для становления личности ребёнка. С учётом будущей (или актуальной) полоролевой идентичности, реализации его внутренних сил и потребностей, приобщения к общечеловеческим и национальным ценностям, закреплённым в культурно-историческом опыте поколений. Многие традиционные ценности, включая ценности семьи полоролевые, детско-родительские, супружеские отношения, претерпевают значительные изменения, подменяются образцами массовой субкультуры и становятся невостребованными образованием, обществом и личностью. Полоролевые модели сознания и поведения в современном обществе отражающие стереотипы женственности и мужественности, характеризуются размытостью ценностных качеств, что осложняет выбор стратегий поведения детьми, актуализирует проблему возрождения ценностных ориентаций как основных нравственных регуляторов в сфере взаимоотношений между полами в научных исследованиях и в житейском опыте человека.

Актуальность исследования обусловлена значимостью пола и полоролевой идентичности в личностном становлении и развитии человека (развитие ориентаций, отношений, поведения). Научные данные многих современных отечественных и зарубежных исследований доказывают, что процесс осознания своей половой принадлежности единый биосоциальный процесс, соединяющий онтогенез, половую социализацию и развитие самосознания (Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, И.С. Кон, В.С. Мухина, Н.В. Плисенко, Т.А. Репина, А. Бандура, Дж. Уолтер, Дж. Мани и др). По утверждению И.С. Кона все или почти все онтогенетические характеристики являются не только возрастными, но и половозрастными, и в реальной жизни ребёнок развивается, осознаёт себя как представитель определённого пола.

Список литературы:

1. Ерофеева Н.Ю. Тайны девичьего мира, Ижевск, 2011, 66 с.

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ: ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Коробкова Светлана Александровна

канд. пед. наук, доцент ВолгГМУ, г. Волгоград

E-mail: korobkovasa@mail.ru

Преобразования, происходящие в российской системе образования, - ее вхождение в европейское и мировое научно-образовательные пространства с сохранением отечественных образовательных традиций – ориентированы на развитие духовно-суверенной, социальной, граждански ответственной и творчески инициативной личности. Современная социокультурная ситуация предполагает развитие нового российского гражданского общества – многонационального и поликультурного. В связи с этим актуальной становится проблема развития личности в условиях поликультурной образовательной среды, возрастает значимость этнонациональной составляющей личности, проблем ее этнической и гражданской идентичности, толерантности, культуры межнациональных и межконфессиональных отношений.

В каждой поликультурной образовательной среде различается отношение к личности ребенка по гендерному принципу, т. к. этнокультурные методы обучения и воспитания подрастающего поколения разнятся. Отношение к женской и мужской личности зависит от культурных традиций и меняется со временем из-за социальных и экономических реформ. Это сказывается на характере и особенностях взаимодействия субъектов в поликультурной образовательной среде. Согласно зарубежным психолого-педагогическим исследованиям [4, с. 390] взаимодействие в межнациональных коллективах требует формирования таких навыков, умений и качеств личности, которые:

- обеспечивают преодоление различных трудностей во взаимодействии и общении представителей различных этнических общностей;
- обуславливают готовность корректно, отзывчиво и грамотно откликаться на запросы, поведение и переживания людей другой этнокультуры;
- позволяют создавать благоприятную психологическую атмосферу, необходимую для эффективного межнационального общения и достижения положительных результатов в совместной деятельности;

- дают возможность по отношению к каждому этносубъекту выбирать оптимальные способы обращения, контакта, участия, которые, не расходясь с требованиями общечеловеческой морали, отвечают его индивидуальным этнокультурным и гендерным особенностям.

С развитием гендерных исследований в педагогике наряду с понятием «гендер» (совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает людям в зависимости от их биологического пола) появились понятия «гендерного дисплея» личности, «гендерной социализации», «гендерного стереотипа» и другие термины, применяемые учеными-исследователями [2, с. 35; 186—189]. Но вопрос о том, как они должны трактоваться в этнопедагогике, все еще остается открытым. Например, «гендерный дисплей» личности юноши или девушки, отвечающий за соотношение ролей и статусов мужчин и женщин в обществе, оказывается очень разным для россиян и для представителей ближнего и дальнего зарубежья в силу культурных норм, традиций, религиозных установок и др.

В педагогических исследованиях предпринимаются попытки выявить гендерные особенности обучаемых, влияющие на эффективность образовательного процесса, определить организационно-педагогические условия обучения студентов на основе гендерного подхода и представить специфику работы педагогов на основе гендерного подхода [1, с. 129]. В то же время для этнопедагогики приоритетным становится исследование гендерного подхода в образовании как новой стратегии обучения и воспитания юношей и девушек разных этнокультур.

Несмотря на прогрессивность гендерных исследований в России, все еще отсутствует «рецепт» построения образовательного процесса на основе гендерного подхода в условиях поликультурной образовательной среды, гендерные особенности обучаемых разных возрастных категорий еще не получили достаточно полного освещения в теоретико-прикладных исследованиях, а технологии обучения на основе гендерного подхода заслуживают дальнейшей разработки. Анализ отечественной и зарубежной литературы показал отсутствие наработок по вопросу влияния этнокультурных особенностей на гендерные особенности юношей и девушек в образовании.

Анкетирование и опрос, проведенные среди преподавателей гуманитарных вузов г. Волгограда, подтвердили неготовность большинства из них работать на основе гендерного подхода в этнокультурной образовательной среде. Опрошенные преподаватели

(72 %) считают, что в процессе обучения в первую очередь необходимо учитывать уровень знаний. Преподаватели вузов, где обучаются разные по этническому составу студенты (37 %) отмечают, что они давно заметили, что юноши и девушки по разному подходят к изучению дисциплины. Однако преподаватели не знакомы со спецификой образовательного процесса таких студенческих групп, при этом особое значение имеет базовая подготовка по дисциплинам студентов разных этнокультур (например, уровень знаний у студентов из Китая значительно отличается от подготовки студентов из Махачкалы). Другие преподаватели (21 %) полагают, что работа с учетом специфики этнокультурной образовательной среды на основе гендерного подхода поможет сделать обучение более интересным и эффективным для студентов. Результаты анкетирования позволили сделать вывод о том, что большинство студентов вне зависимости от этнокультурного происхождения (79 %) считают, что было бы гораздо интереснее изучать дисциплину, если бы преподаватель уделял внимание женским и мужским способностям и возможностям по преподаваемому курсу, особенно если речь идет о естественнонаучной дисциплине.

Проблемы, существующие, с одной стороны, перед преподавателями (практика обучения юношей и девушек разной этнокультурной принадлежности), с другой – перед обучаемыми (реализация своих гендерных и этнокультурных особенностей в процессе обучения), детерминируют следующие задачи исследования:

- определение основных идей и принципов гендерного подхода в поликультурной образовательной среде вуза;
- обоснование в теории педагогики концептуальных основ гендерного подхода в поликультурной образовательной среде вуза;
- создание концепции гендерного подхода в поликультурной образовательной среде;
- разработка и обоснование модели организации обучения юношей и девушек разных этнокультур на примере конкретной учебной дисциплины.

Гендерные особенности, специфика их проявления в образовательном процессе, а также сущностные характеристики взаимоотношений педагога с обучаемыми с учетом гендерных различий служат основанием для гендерных исследований образовательного процесса в этнопедагогическом контексте.

К основным принципам гендерного подхода относятся следующие:

- целенаправленный учет интересов девушек и юношей в образовательном процессе, осуществление образовательной деятельности на основе их гендерных особенностей и возможностей при обучении конкретной дисциплине;

- обеспечение необходимых условий для реализации потенциала женской и мужской индивидуальности, личности, ее функционирования как субъекта гендерных отношений в процессе обучения;

- недопущение дискриминации в способностях девушек / юношей при обучении той или иной дисциплине [3, с. 40].

Этнокультурные и гендерные особенности зарубежных студентов взаимно дополняют друг друга и позволяют наиболее полно представить структуру взаимоотношений между преподавателем и студентами и выделить эмоционально-поведенческий, когнитивно-ориентировочный и ценностно-рефлексивный компоненты, в основе которых заложено взаимодействие преподавателя и студентов разной этнической и гендерной принадлежности в личном и деловом аспектах отношений [3, с. 63].

К сожалению, все еще отсутствует единая концепция гендерного подхода в образовании в этнокультурном аспекте. В отечественной педагогической науке немало исследований посвящено изучению разных этносов, в их числе работы о народах Калмыкии, Башкирии, Татарстана, Узбекистана, т. е. исследовались и изучались народности, в основном, России и ближнего зарубежья. Этнокультурный контекст в образовательном процессе широко представлен в работах Н.Б. Крыловой, В.Б. Манджиевой, Г.А. Палаткиной и др. Существенный вклад в этнопедагогику вносят также научные труды Г.Н. Волкова, О.Д. Мукаевой, Г.Ю. Нагорной, М.Г. Харитоновой, касающиеся проблем профессионально-педагогической подготовки педагога к деятельности в этнокультурной среде. Однако исследований по педагогике, связанных с обучением и воспитанием представителей этносов дальнего зарубежья и, тем более, рассматривающих гендерные и этнокультурные различия и особенности представителей разной этнической принадлежности в образовании на примере таких этносов, как индийский, африканский и азиатский, очень мало. Наш научный интерес как раз и вызван потребностью педагогической практики в вузах, реализующих образовательные программы с поликультурным компонентом. Работа по обоснованию в теории педагогики концептуальных основ гендерного подхода в поликультурной образовательной среде вуза, а

также разработка модели организации обучения студентов разной гендерной и этнокультурной принадлежности продолжается.

Список литературы:

1. Гендерные исследования в образовании: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2009. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 342 с.
2. Гендерная психология. Практикум / Под ред. И.С. Клециной. – СПб.: Питер, 2009. – 496 с.
3. Коробкова С.А. Образовательный процесс в условиях поликультурной среды вуза: теория и практика реализации гендерного подхода: Монография. – Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2010. – 156 с.
4. Лефрансуа Г. Прикладная педагогическая психология / Ги Лефрансуа. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 576 с.

СЕКЦИЯ 3.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В ФИЛОСОФИИ

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Кодар Замза Муташовна

д-р филос. наук, директор НИИ СГИ Казгосженпу, г. Алматы

E-mail: kodarzamza@yandex.kz

Философия как специфический феномен культуры, как известно, возникла в постархаическую эпоху, — в эпоху, в которой доминирующее положение в обществе и культуре прочно заняли мужчины, это, если пользоваться феминистской и гендерной терминологией, эпоха патриархата.

Философия исторически возникла первоначально в Древней Индии, в Древнем Китае и в Древней Греции. В культуре Древней Индии самыми значительными и соответственно философски значимыми являются Брихадараньяка упанишада и Чхандогья упанишада. Как и во многих антропогонических мифах древности, в упанишадах присутствует сюжет о сотворении мужчины и женщины. Мужчине, согласно учению упанишад, следует соединяться с женщиной и половой акт расценивается как жертвоприношение, от которого рождается человек [2, с. 153].

Древнекитайская философия, как известно, первоначально возникла в виде двух противоположных учений — Лао-цзы и Кун-цзы, или Конфуция. Первый положил начало даосизму, второй — конфуцианству. В древнекитайской философии гендерная тематика рассматривается преимущественно на метафизическом уровне — на уровне соотношения космических начал Инь и Ян. Это имеет место, прежде всего, в даосской философии. И хотя, как отмечено выше, согласно «И цзину» и «Си цы чжкани», оба они равноправны и должны находиться в гармонии, в философском даосизме дело обстоит иначе. Здесь на онтологическом уровне обосновывается «земное» гендерное неравенство. Древнегреческих философов также занимали проблемы социальной структуры общества, равенства и неравенства. В философии Эмпедокла мы еще не замечаем явного неравенства.

Ученик Сократа Ксенофонт из Афин касается гендерной тематики в сочинении «Домострой» («Экономика»).

Платоном в диалоге «Пир» обсуждается феномен любви и бог любви — Эрот (или Эрос). Государство в утопии Платона является высшей целью и ценностью, его же граждане — это всего лишь средство для его существования. Целью брака является производство потомства (в первую очередь сыновей) для Государства. Но, конечно, и мужчина является средством для Государства.

Для Аристотеля идея гендерного неравенства — нечто не только само собой разумеющееся, но, согласно ему, данное неравенство укоренено в природе. Согласно Демокриту, главная функция женщины — деторождение.

Из всех древнегреческих философов только киники ратовали за эмансипацию женщин, за их равенство с мужчинами. Киник Кратет в письме к своей жене Гиппархии писал: «Природа не создала женщин более слабыми, чем мужчин. Так, амазонки, совершив столько подвигов, ни в чём не уступали мужчинам. Помни об этом и придерживайся такого мнения» [7, с. 261].

Эпоха Средневековья в Западной Европе охватывает период со II по XIV вв. (т. е. до эпохи Возрождения). На Ближнем Востоке она охватывает период с VIII по XV вв. В Европе это период утверждения и господства христианства, на Ближнем Востоке это господство возникшего в первой половине VII в. ислама.

Средневековье как раз и считается периодом классической арабской философии. Социальная (и гендерная, если она затрагивалась) тематика в арабо-мусульманской философии во многом была ангажирована исламской догматикой. Абу Наср Мухаммад Ибн Тархан аль-Фараби (870—950) рассматривает мужчину и женщину в антропологически-биологическом и отчасти психологическом аспекте. Примечательно то, что различия между ними он видит в естественном основании и никому из них не отдаёт предпочтения. Примечательно также, что он не считает женщину ниже мужчины по интеллекту. Но это — различие на уровне пола (то, что по-английски определяется как sex). Но в целом аль-Фараби почти не касается гендерной тематики, его занимают люди как таковые и те города (фактически это — города-государства, аналогичные греческим полисам), в которых они проживают. Согласно ему, «целью существования человека является достижение счастья...» [1, с. 116]. Гендерный элемент просвечивается в учении аль-Фараби лишь в том, что для него является само собой разумеющимся то, что во главе всякого города стоит правитель, то есть *мужчина*.

В гендерном вопросе аль-Газали в большей степени ориентируется на Коран и Сунну, чем аль-Фараби. У него нисколько не возникает сомнение в том, что мужчина во всём превосходит женщину. Авторитетом для него является Аллах. Женщину аль-Газали относит к разряду наслаждений.

Позиция аль-Фараби в значительной мере свободна от исламской влияния и он в значительной мере толерантен по отношению к женщине. Аль-Газали же почти не отступает от установлений и норм Корана и Шариата и потому женщина в его учении — вне зависимости от его личных намерений — предстаёт существом второсортным, подчинённым власти мужчины. Мыслитель не считает необходимым скрывать свои сексистские установки, поскольку, считает свои взгляды само собой разумеющимися.

Теперь следует обратиться к философии средневековой Западной Европы. Западноевропейское Средневековье начинается в V в. н. э., т. е. после крушения Римской империи. Но Римская империя оставила в наследие католическое христианство. Христианская Европа, как отмечено выше, объявила всё античное духовное наследие языческим, несовместимым с духом монотеизма. Один из отцов Церкви, Тертуллиан писал о необходимости брака. Гендерная позиция Аврелия Августина намного мягче тертуллиановской. Он уже не предписывает женщине, как ей одеваться и ухаживать за своим телом. Он спорит с теми, по мнению которых, женщина, не по своей воле совершившая грех должна покончить с жизнью. В гендерном вопросе Августин всецело опирается на Священное писание. Гендерную проблематику Ф. Аквинский решает в рамках христианской антропологии. Для него бесспорным и не подлежащим сомнению является библейская догма о сотворении первого человека (Адама) «из праха земного», а первой женщины (Евы) — из ребра Адама. Средневековые теологи-философы, придерживаются гендерной позиции, как она представлена в Ветхом и Новом Заветах. Для них гендерное неравенство в пользу мужчины — незыблемый закон мироздания, созданного и контролируемого Богом.

На смену Средневековью в Западной Европе приходит эпоха Ренессанса. В Италии он начался в XIV в. и длился по XVI в., в других странах начался на столетие позже и завершился в том же XVI в. Теоцентризм средневекового мировоззрения уступил место мировоззренческому антропоцентризму. В центр и на вершину Мироздания Ренессанс возвёл человека как всесторонне развитую творческую индивидуальность. В общем умонастроении эпохи изменилось отношение к человеку вообще и в какой-то мере —

отношение к женщине. Это, в частности, проявилось в куртуазной поэзии, что объясняется усилением светского начала в культуре. В эпоху Ренессанса появились философские и околофилософские сочинения, в которых женщина уже не рассматривалась как всего лишь служанка мужчины. Появились также сочинения о светской любви. Эпоха Ренессанса сменилась эпохами Реформации и Контрреформации, которые фактически существовали одновременно. К концу XVI в. новые формы христианства, основанные М. Лютером и Ж. Кальвином (имеющие общее название «протестантизм») победили в борьбе с католичеством и завоевали автономию. На смену этим эпохам пришло Новое время, основными чертами которого было зарождения буржуазного строя и отодвижение на второй план культуры религии и Церкви. На первый план вышла наука в лице естествознания. Произошла также трансформация мировоззрения. Ренессансный антропоцентризм сменился натурацентризмом. Место Бога фактически заняла природа, которая понималась теперь как нечто самосущее, не нуждающееся в опеке со стороны Бога. Естественное в человеке и обществе стало считаться главным. Так в философии Нового времени сформировались понятия естественного происхождения человека и общества, естественного права, естественной свободы и т. д. Эти идеи легли в основу договорной теории общества, сформулированной первоначально Т. Гоббсом и впоследствии подхваченной и разработанной философами эпохи Просвещения. В «Энциклопедии» Дидро и Даламбера естественная свобода человека и его естественное право определяются как синонимы...» [6, с. 219—220]. Изначальное состояние человечества, согласно теоретикам общественного договора, было состоянием равенства всех без исключения. Отношение мужчины и женщины, согласно Канту, есть половое общение: «брачный договор не произвольный, а необходимый договор по закону человечества...» [4, с. 219—220].

К. Маркс смотрел на гендерные отношения с позиций гуманизма. Согласно Марксу, в будущем коммунистическом обществе, которое возникнет вследствие преодоления всех форм отчуждения, действительное, соответствующее сущности человека отношение между мужчиной и женщиной предстанет в чистом виде.

Ф. Ницше в отношении женской проблематики и гендерного подхода Ницше отличался крайним радикализмом, он исповедует откровенно сексистскую точку зрения на гендерные отношения... В то же время, как и большинство его предшественников-философов, в целом Ницше придерживается презумпции превосходства мужчины

над женщиной. Правда, в сочинении «Человеческое, слишком человеческое» он пишет: «Совершенная женщина есть более высокий тип человека, чем совершенный мужчина, но и нечто гораздо более редкое» [5, с. 415]. Но это — исключение... Известна его несчастная любовь к Лу Саломе — женщине, интеллект которой поразил его. Она его отвергла, возможно, это и породило в нем ненависть ко всему женскому полу. Как пишет Сергей Жеребкин: «С одной стороны, философия Ницше... известна своей мизогинистской идеологией. С другой стороны, Ницше,... принадлежит исключительная роль в изменении традиционной конструкции метафизики и традиционного способа философствования и обосновании так называемой неклассической философии, базирующейся на принципах неиерархического и небинарного мышления. В результате, неклассическая философия Ницше впервые в истории философии формулирует концептуальные основания для 1) репрезентации феномена женского в философском дискурсе и 2) подрыва тем самым классической патриархатной, унижающей женщину традиции в философии» » [3, с. 418].

Таким образом, мы рассмотрели философские представления о «мужском» и «женском» в классической философии, и можем отметить, что еще сильны устои патриархатной идеологии, женщина здесь рассматривается как вторичное, как неполноценное, как дополнение к мужчине. Но уже грядут перемены, инициатором которых будут женщины. Самые крупные изменения произойдут в XX веке.

Список литературы:

1. Аль-Фараби. Гражданская политика // В кн.: Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. — Алма-Ата: Наука, 1973.
2. Брихадараньяка упанишада // В кн.: Упанишады. — Изд. 2-е, доп. — М.: Восточная литература РАН, 2000.
3. Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии // В кн.: Введение в гендерные исследования // В 3-х частях. — Хрестоматия. — Харьков: ХЦГИ; М.: Алетейя, 2001. — Ч. 1.
4. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // В кн.: Кант И. Соч. // В 2 т. — М.: Мысль, 1965. — т. 2. — Ч. 2.
5. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // В кн.: Ницше Ф. Соч. // В 2 т.— М.: Мысль, 1990. — Т. 1.
6. Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. — М.: Наука, 1994.
7. Фрагменты сочинений киников и кинизирующих писателей // В кн.: Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. — М., Наука, 1984. — Т. I. — Зенон и его ученики.

ВОПРОС ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ЖЕНЩИНЫ В ФИЛОСОФИИ ПОСТФЕМИНИЗМА

Хитрук Екатерина Борисовна

канд. филос. наук, доцент НИ ТГУ, г. Томск

E-mail: lubomudr@vtomske.ru

В классической философской традиции вопрос об онтологическом статусе женщины подразумевал определение места женского начала в общей дуалистической структуре мироздания. Женщина — топос реальности, контекстуально связанный с категориями чувственного, телесного, иррационального, имманентного, объектного... «Хаос, мрак и женщина» - так символически обозначал эту смысловую связь еще Пифагор. Иными словами, существование женщины, начиная с античной философии, рассматривалось как необходимый атрибут реальности, где трансцендентному, сверхчувственному, разумному, мужскому началу противостоит имманентное, чувственное и иррациональное, женское. Однако это «встраивание» женского существования в общую дуалистическую структуру мироздания свидетельствует о том, что само это существование признается очевидным и бесспорным «фактом» бытия. Итак, традиционная философия задавалась вопросом о том, что означает существование женщины. Само существование женщины при этом не подвергалось сомнению. В современной философии имеется достаточно оснований для того, чтобы вопрос об онтологическом статусе женщины стал иметь отношение к самой основе женского существования и мог быть сформулирован следующим образом: «каковы философские предпосылки убеждения в очевидности женского существования?» или «существует ли женщина?».

Есть несколько оснований для того, чтобы поставить под сомнение само существование женщины. Каждое из них связано с определенным способом тематизации женского в философии и культуре. Наиболее яркими из этих способов являются три «очевидности» женского: первая рассматривает женщину как объект по отношению к субъекту (мужчине), связана с классическим философским дуализмом; вторая эксплицирует женщину в качестве рационального, свободного и деятельного субъекта, связана с феминистическим дискурсом и третья рассматривает женщину как женское тело, некое проявление материальной природы.

1. Классический философский дуализм продуцирует бинарную концептуализацию половых различий. В рамках этой концепции женское начало противопоставляется мужскому, а само это противопоставление встраивается в общую онтологическую перспективу, где трансцендентное, активное, разумное, духовное противопоставляется имманентному, пассивному, чувственному, материальному. Как замечает Сергей Жеребкин, «логика бинарных оппозиций, в которой мужское является субъектом, а женское — объектом, является концептуальной основой патриархатной метафизики в целом, которую в современной философии называют *фаллоцентризмом*, подчеркивая тем самым, что по видимости бесполой приоритет разума-логоса в ней на самом деле неразрывно связан с приоритетом мужского начала и присущих ему атрибутов и характеристик» [4, с. 391]. Поэтому женщина является объектом по отношению к субъекту/человеку/мужчине и этот онтологический статус в данной системе представляется незыблемым. Как замечает современная феминистская исследовательница Элизабет Гросс, «Женщина (с большой буквы в единственном числе) остается вечной философской загадкой, таинственным и непостижимым объектом» [3, с. 601].

Однако объектная онтологическая укорененность женщины теряет свою убедительность одновременно с критикой традиционной западной метафизики и наступлением «эры постмодерна». Как только мир перестает рассматриваться в перспективе «раздвоенности» чувственного и сверхчувственного начал, как только Ф. Ницше констатирует «смерть Бога» в смысле ориентированности метафизических систем на трансценденцию, так категория женского теряет свою многовековую онтологическую нишу объекта. Вследствие указанной трансформации объектный статус женщины начинает восприниматься как сконструированный традиционной патриархатной дуалистической метафизикой, как такой, который искусственно навязывался женщине в качестве ее естественного предназначения. Таким образом, онтологический статус женщины как объекта деконструирован критикой западной метафизики.

2. В то же время, начиная с XVIII века, женщины инициируют длительную и упорную борьбу за экономические и политические права. Это движение в XX веке перерастает в самостоятельное направление теоретического, а, затем, и научного дискурса. Вследствие указанных изменений трансформируется и само представление о женщине. Сражаться за свои права и свободы, отстаивать свою разумную природу, вообще активно стремиться к

культурной репрезентации может лишь определенная субъективность. Таким образом, феминистическая теория и практика исходят из очевидности женского субъекта, понимаемого, однако, в традиционном поле смыслов, как волевой, свободный, рациональный индивид.

С другой стороны, экспликация женского субъекта обнаруживает серьезные противоречия. Например, при том, что феминистический дискурс строится на понятии женского субъекта, сами феминистки не могут прийти к согласию в плане того, что же необходимо понимать под этим субъектом. Любая дефиниция приводит к тому, что часть женщин оказывается исключена из смыслового поля женского субъекта. Помимо этого, в реальной жизни оказывается невозможным существование субъекта, который являлся бы *только* женщиной, поскольку нельзя вычленить индивида из контекста тех многообразных культурных и социальных проявлений, в рамках которых осуществляется его жизнь. Анализируя эти трудности, известный американский философ Джудит Батлер приходит к выводу о том, что «в действительности закон производит и затем скрывает понятие «субъект до закона», с тем, чтобы обратиться к этому дискурсивному образованию как к натурализованной базовой предпосылке, которая впоследствии узаконивает его собственную регулятивную гегемонию. Категория «женщины» - предмет исследования феминизма — производится и ограничивается теми же структурами власти, при помощи которых добиваются эмансипации» [1, с. 301].

Другими словами, постфеминистический анализ, основанный на понятиях «власти», «дискурса» и «субъекции» обнаруживает сконструированный, исторический характер женской субъективности. Благодаря механизмам конструирования субъективности, феминистический дискурс создает женский субъект в качестве своего якобы адискурсивного и естественного основания. Таким образом, и эта онтологическая парадигма оказывается метафизическим конструктом, репрессивно задающим женскую норму в феминизирующемся обществе.

3. Женское тело, как последний оплот для онтологической «очевидности» женского, так же не выдерживает денатурализующей критики постмодерна и обнаруживает свою сконструированную, дискурсивно обусловленную природу.

В философии Мишеля Фуко впервые вводится понятие «политической анатомии», которая представляет собой «исследование «политического тела», как совокупности материальных элементов и

техник, служащих оружием, средствами передачи, каналами коммуникации и точками опоры для отношений власти и знания, которые захватывают и подчиняют человеческие тела, превращая их в объекты познания» [5, с. 43]. Тело существующее уже несет на себе определенную «печать» властного дискурса, более того, по существу является дискурсивным конструктом. Основываясь на размышлениях М. Фуко, к дискурсивным конструктам можно отнести и женское тело.

Что вообще собой представляет женское тело?

Во-первых, это тело, имеющее определенные биологические признаки. К таковым относятся «пол генетический, гормональный, по строению головного мозга, по внутренним и внешним морфологическим признакам и пр.» [6, с. 165].

Во-вторых, к женскому телу относят те особенности, которые имеют явно выраженную социальную природу, порождены гендерной идентификацией. К таким особенностям можно отнести, например, деформированные ступни (древнекитайская культура), отсутствие или деформацию клитора и половых губ (как результат клиторэктомии). Осанка, походка и другие подобные признаки, сложившиеся вследствие той или иной степени культурной репрессии «идеала» женской красоты, так же формируют тело, как и особенности первой группы.

Конечно, сконструированность особенностей второго типа более очевидна. Однако, с точки зрения Джудит Батлер, неоспоримость особенностей первого типа является лишь механизмом манипуляции, благодаря которому индивиду с определенными чертами навязывается женская модель поведения, поскольку он есть женщина с биологической точки зрения. На самом же деле «само слово «пол» является неправильным употреблением термина, и биологическая действительность, которую мы называем полом, сама есть исторический конструкт и на самом деле является политической категорией» [2, с. 302].

Таким образом, существование женщины с позиции современной постфеминистической теории эксплицируется в качестве серьезной философской проблемы.

Список литературы:

1. Батлер Джудит. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории. Под ред. Е. Гаповой. - Минск: ПроPILEI, 2000. — С. 297—346.
2. Батлер Джудит. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии / Сост. Э. Гарри, М. Пирселл; пер. с англ. — М.:

«Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. — С. 292—303.

3. Гросс Элизабет. Изменяя очертания тела. Гендерная проблематика в философии. // Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия. - Харьков: ХЦГИ; СПб.: Издательство «Алетейя», 2001. — С. 599—622.
4. Жеребкин Сергей. Гендерная проблематика в философии.// Введение в гендерные исследования. Часть I. Учебное пособие. - Харьков: ХЦГИ; СПб.: Издательство «Алетейя», 2001. — С. 390—426.
5. Фуко Мишель. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова; Под ред. И. Борисовой. - М.: Ad Marginem, 1999. - 478 с.
6. Этинген Л.Е. Половые органы мужчины и женщины / Человек. № 6 (2010). — М.: Наука, 2010. — С. 165—172.

СЕКЦИЯ 4.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В ИСТОРИИ

РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ — ПЕРВЫЕ В ХИМИЧЕСКИХ НАУКАХ И ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕРАБОТКИ НЕФТИ

Ахмадова Хава Хамидовна

*профессор, Грозненский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Грозный
E-mail: hava9550@mail.ru*

Сыркин Алик Михайлович

*профессор, Уфимский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Уфа
E-mail: syrkinam@mail.ru*

В рамках представлений «о естественном предназначении женщины» ей отводится особое место, как хранительнице традиций, семейных ценностей и домашнего очага. Соответственно, многие сферы человеческой жизнедеятельности оказались разделёнными на не престижные «женские» и общественно-значимые «мужские».

Однако во все исторические времена появлялись женщины, которые доказывали, что это не так, и что они способны выполнять «мужскую» работу и даже на более высоком уровне.

Наглядным примером этому являются российские женщины в области химической науки и технологии переработки нефти.

Путь российских женщин в химическую науку был весьма сложным, и при этом вклад женщин: руководителей, учёных, технологов в развитие химии и технологии переработки нефти и нефтехимии значителен.

Истоки российской химической науки восходят к XVIII в., когда была основана Петербургская академия наук [3]. С первых лет существования академии наук с ней связаны все научные достижения в России.

В 1748 г. по инициативе Михаила Васильевича Ломоносова в России была создана первая химическая лаборатория, предназначенная

для научных и учебных целей. В течение всего XVIII в. развитие химических знаний получало действенную поддержку со стороны руководства Академии наук, особенно со стороны первой женщины-директора Екатерины Романовны Дашковой, которая успешно руководила Академией в период 1783—1796 гг.

В XVIII веке, в период, когда отечественная наука являлась только прерогативой мужчин, во главе отечественной науки России находилась женщина, которая была назначена указом Екатерины II от 24 января (4 февраля) 1783 года директором Петербургской Академии наук при президентстве графа К.Г. Разумовского.

Е.Р. Дашкова стала первой женщиной в мире, управлявшей Академией наук. Она оказалась на высоте своей трудной задачи, органично вписалась в мужской коллектив выдающихся исследователей и уверенно взяла в свои руки бразды правления академией. Е.Р. Дашкова принимала активнейшее участие в научной и в хозяйственной работе академии — делала все возможное для создания материальной базы исследовательской работы, содействовала строительству новых зданий, расширению библиотек, типографий, созданию новых научных кабинетов, лабораторий и т. д. Вклад Е.Р. Дашковой в развитие науки в России весьма значителен и заслуживает самой высокой оценки [15].

Российского Императорского Двора статс-дама, Святой Великомученицы Екатерины ордена кавалер, Императорской Академии наук директор, Российской Императорской Академии президент, Римско-Императорско-Эрлангенской, Королевских Стокгольмской и Дублинской академий член, обществ — Берлинского испытателей природы, философического в Филадельфии, Цельского земледелия, Санкт-Петербургского экономического и Московского университета — член». Таков неполный список титулов и заслуг княгини Екатерины Романовны Дашковой [15].

Петербургская академия наук, в которой в XVIII в. была сосредоточена практически вся российская химия, не потеряла своего значения и в последующее столетие. На рубеже XVIII—XIX вв. произошли изменения и в системе подготовки специалистов и организации научных исследований. В период развивающихся капиталистических отношений расширение торговли, оснащение армии и флота, рост металлургических производств и химических промыслов во многом зависели от наличия собственных специалистов: горных инженеров, химиков, геологов и др.

С этой целью создавались специальные учебные заведения, как Горное училище, Инженерное кадетское училище и др. В начале

XIX в. в различных городах России открываются новые университеты и создаются научные общества. К 40-м годам XIX в. в России сформировалось несколько химических центров, самыми крупными из которых были петербургский, московский и казанский.

Вторая половина XIX в. представляла собой особый период в истории отечественной науки, в том числе и химии [3]. Если в первой половине столетия достижения ученых прокладывали первые пути от аналитических исследований естественных богатств страны к фундаментальным изысканиям, то во вторую половину на первый план вышли работы фундаментального характера. Эпохой в истории мировой науки стали открытия в 1869 г. Дмитрием Ивановичем Менделеевым (1834—1907) Периодического закона химических элементов и разработка в 1861—1870 гг. А.М. Бутлеровым (1828—1886) теории химического строения веществ.

Со второй половины XIX в. в развитии химии четко наметилась дифференциация на три основные отрасли — неорганическую, органическую и физическую, а затем на множество других ветвей, более точно отражающих многосторонность предмета этой науки. Первое место по объему изучаемого материала заняла органическая химия, и неудивительно: уже тогда насчитывалось более миллиона индивидуальных органических соединений, тогда как неорганических было известно не более 60—70 тысяч. Это обстоятельство вызвало необходимость упорядочения классификации органических соединений и создания теоретических основ, объясняющих их бесконечное разнообразие при крайне ограниченном составе. Достижения химической науки второй половины XIX в. во многом были обусловлены работами петербургских ученых. Академия наук, Петербургский университет, Горный институт, Технологический институт, Земледельческий (Лесной) институт образовали крупнейший научный центр, оказавший огромное влияние на развитие не только отечественной, но и мировой науки.

В каждом из этих учреждений сложилась своя школа химиков, характерная индивидуальностью и направленностью исследований и руководимая такими блестящими учеными, как Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, А.А. Воскресенский, Н.Н. Зинин, А.Е. Фаворский и др.

В последней четверти XIX столетия в период интенсивной разработки кавказских месторождений осуществлялось широкое исследование нефтей, благодаря которым в последние три десятилетия XIX в. были сформированы новые перспективные направления развития химической технологии и технологии переработки нефти.

Первой в мире женщиной, опубликовавшей свои исследования по химии, была **Анна Федоровна Волкова** (год рождения неизвестен, умерла в 1876 г.) [2, 6, 10]. С 1869 г. она работала в химической лаборатории Петербургского земледельческого института у А.Н. Энгельгардта. Под руководством Д.И. Менделеева вела практические занятия со слушательницами Владимирских женских курсов. За выдающиеся исследования в области химии была принята в члены Русского химического общества, редактировала журнал этого общества. В 1876 г. на Всемирной промышленной выставке в Лондоне экспонировались препараты, синтезированные русскими учеными. Среди них были вещества, полученные Волковой.

Огромную пользу науке о нефти принесли женщины технологи. Одна из них — выдающаяся личность, первая русская женщина химик-технолог, стоявшая у истоков глубокой переработки нефти **Юлия Всеволодовна Лермонтова** [4, 11, 13].

В 1874 г. она окончила в Германии Геттингенский университет, защитила диссертацию и получила ученую степень доктора химии первой степени.

В Гейдельбергском университете Ю.В. Лермонтова по рекомендации Менделеева выполнила свое первое научное исследование — сложное разделение редких металлов, спутников платины

В 1871 г. в Берлине Лермонтовой была выполнена одна из ее лучших работ — «О составе дифенина». Она была доложена на заседании Немецкого химического общества, а затем опубликована в 1872 году. В научных кругах эта работа вызвала большой интерес.

С 1875 года имя Лермонтовой официально занесено в список членов Русского химического общества. В сентябре 1876 года она принимала участие в работе химической секции V Варшавского съезда. По возвращении в Россию Ю.В. Лермонтова сначала работала под руководством А.Н. Бутлерова в химической лаборатории Петербургского университета, а в 1881 г. продолжила работу в химической лаборатории Московского университета под руководством профессора В.В. Марковникова, где выполнила и опубликовала исследование «О получении нормального бромистого пропилена».

В 1880 году Марковников начинает свои знаменитые исследования кавказской нефти. Под его руководством Ю.В. Лермонтова приступила к исследованиям, направленным на глубокое разложение нефти. Она доказала, что нефть — лучшее сырьё для получения ароматических углеводородов, и изучила основные

факторы этого процесса: температурные условия, скорость подачи сырья.

В 1880-е годы Лермонтова достигла зенита своей славы: среди химиков и нефтяников, ее имя называлось рядом с именами крупных ученых и инженеров.

В 1881—1882 гг. Ю.В. Лермонтова в лаборатории Московского университета разработала лабораторный прибор для непрерывной перегонки нефти с водяным паром, о необходимости создания которого Д.И. Менделеев говорил еще в начале 1870-х годов [16].

Аппарат для непрерывной перегонки нефти, предложенный Лермонтовой, представлял собой перегонный куб непрерывного действия, соединенный с погоноразделительным устройством. И в том отношении приближался к аппарату Шухова и Инчика. В отличие от ранее описанных аппаратов непрерывного действия, в аппарате Лермонтовой была применена подача в куб перегретого водяного пара, что способствовало большему выходу целевых продуктов и незначительного количества остатков. Это был один из лучших аппаратов для непрерывного процесса перегонки нефти. О нем писали многие научные журналы и газеты. Лермонтова первая смогла доказать преимущество перегонки нефти с применением пара. При помощи этого аппарата можно было получать из нефти пять фракций: вазелин, смазочное масло, соляровое масло, керосин и бензин [17]

Аппарат Лермонтовой, как и другие аппараты, созданные в те годы русскими учеными и инженерами для непрерывной перегонки нефти, были совершенными конструкциями. Однако русские инженеры и конструкторы не раз убеждались в том, что их открытия и изобретения сначала появлялись за рубежом, а потом через много лет возвращались на родину под другим авторством [14].

К научным заслугам Лермонтовой относятся и ее работы, сыгравшие важную роль в технике катализа [9]. Лермонтова впервые осуществила глубокое разложение нефти в присутствии металлических катализаторов, а используя в качестве катализатора древесный уголь, она получила из нефти 48 % смолы, содержащей 17 % бензола, заменив уголь медными стружками, она получила 50 % смолы, содержащей 20,8 % бензола».

Она также установила, что катализатор не только увеличивает выход смолы, но и уменьшает процесс коксообразования. Эти работы обогатили науку о каталитических процессах переработки нефти. Работы Лермонтовой, как и других наших ученых, успешно занимавшихся каталитическим разложением нефти и нефтепродуктов, были высоко оценены в научном мире.

Исследования, проведенные Лермонтовой, способствовали возникновению первых нефтегазовых заводов в России. Большой интерес вызывает и ее эпистолярное наследие.

Лермонтовой Ю.В. посчастливилось лично знать таких крупных русских ученых и поборников высшего образования для женщин, как Д.И. Менделеев, И.И. Мечников, И.М. Сеченов, А.М. Бутлеров, К. Кирхгоф, В.В. Марковников, братья А.О. и В.О. Ковалевские, а также видных немецких ученых-химиков, среди которых Роберт Бунзен, Август Гофман, Карл Шорлеммер.

Она дружила с первыми русскими женщинами-учеными, в числе которых: первая в мире женщина, опубликовавшая исследования по химии, Анна Волкова; первая в России и Европе женщина-математик Софья Ковалевская; первая в России женщина врач-окулист Мария Бокова-Сеченова; первая русская женщина-врач, ставшая доктором медицины Надежда Сулова.

Вера Евстафьевна Богдановская (1867—1896) принимала активное участие в деятельности «Журнала Русского химического общества» и была помощником главного редактора Н.А. Меншуткина. Богдановская принимала участие в подготовке посмертного издания книги А.М. Бутлерова «Введение к полному изучению органической химии», а также написала «Начальный учебник химии». Окончив Бестужевские курсы, В.Е. Богдановская впоследствии уехала за границу, получила в Женевском университете степень доктора химии и читала на Петербургских высших женских курсах стереохимию. В 1895 г. она создала небольшую лабораторию на Ижевском заводе, где вела научные исследования. Последней ее работой было получение фосфорного аналога синильной кислоты. Для исследований использовались запаянные стеклянные трубки, которые нагревались до высокой температуры. 25 апреля 1896 г. одна из трубок разорвалась и поранила руку Веры Евстафьевны. Отравление очень токсичным фосфористым водородом привело к быстрой смерти.

Единственная женщина-химик, дважды удостоенная Нобелевской премии за работы в области физики (1903 г.) и химии (1911 г.), — **Мария Склодовская-Кюри (1867—1934 гг.)** [7]. Открытия, сделанные ею, положили начало новой эре в истории человечества — освоению неисчерпаемых запасов энергии, скрытых в ядрах атомов химических элементов. Ни одна женщина-ученый не пользовалась такой популярностью, как Мария Кюри. Ей было присуждено 10 научных премий и 16 медалей. Она была почетным членом 106 академий, научных учреждений и обществ. В 1926 г. Мария Склодовская-Кюри избирается почетным членом Академии наук

СССР. И притом она была так скромна, что А.Эйнштейн по этому поводу произнес памятные слова: «Мария Кюри из всех людей в мире единственный человек, не испорченный славой».

В 1911 г. Марии Склодовской-Кюри была вручена Нобелевская премия «за выдающиеся заслуги в развитии химии: открытие элементов радия и полония, выделение радия и изучение природы и соединений этого замечательного элемента».

Старшая дочь Марии Кюри — **Ирен Жолио-Кюри** (1897—1956 гг.) — выдающийся ученый в области радиохимии. По окончании Парижского университета она работала в лаборатории своей матери и стала ее преемницей — возглавила впоследствии кафедру в Парижском университете. Ее работы сыграли большую роль в истории открытия и исследования реакции деления атомных ядер. В 1935 г. супруги Фредерик и Ирен Жолио-Кюри были награждены Нобелевской премией «За выполненный синтез новых радиоактивных элементов».

Если в XIX веке женщин — ученых и технологов по переработке нефти было единицы, то XX век в корне изменил эту ситуацию. Можно перечислить множество имен женщин, внесших выдающийся вклад в развитие считавшейся в XIX веке «мужской науки» по технологии переработки нефти. Особенно своими учеными, в том числе специалистами и учеными — женщинами славились московская и грозненская школы, где исторически сложились нефтяные научно-исследовательские центры.

Особое место в истории нефтепереработки занимает **Екатерина Владимировна Смидович**. Е.В. Смидович закончила Московский Нефтяной Институт (МНИ) в 1932 г. [4, 5, 8]

До марта 1933 г. она работала в проектно-исследовательском бюро МНИ, а потом, по приглашению профессора С.Н. Обрядчикова, перешла на должность младшего научного сотрудника в заводской сектор государственного исследовательского нефтяного института (ГИНИ), где проработала до лета 1934 года. В первые годы своей трудовой деятельности она, ученица профессора С.Н. Обрядчикова, работала в области прямой перегонки нефти. Известен графический метод Обрядчикова-Смидович построения кривой однократного испарения.

Затем произошло расформирование ГИНИ и передача заводского сектора тресту «Нефтезаводпроект». В 1936 г лаборатория была переведена в МНИ, где и прошла вся дальнейшая научная и педагогическая деятельность Екатерины Владимировны.

Е.В. Смидович занималась разработкой процесса термоконтактного крекинга нефтяных остатков, затем руководила исследованиями по интенсификации процессов каталитического крекинга, пиролиза, получения коксов различного назначения, а также улучшения качества топлив и нефтяных коксов. В ноябре 1941 г. Е.В. Смидович эвакуировалась вместе с институтом в Уфу.

По возвращении из эвакуации в Москву в феврале 1942 г. она в течение года работала на Московском крекинг-заводе (ныне Московский НПЗ). В этот период времени Московский крекинг-завод не прекращал свою работу. Фронтвые машины заправлялись прямо там. На двух крекинг-установках шла подготовка к переходу на новое сырье с востока. Для этого на заводе была организована специальная технологическая группа, в которой и начала работать Е.В. Смидович. Она была назначена руководителем исследовательской группы заводской лаборатории. Одновременно (по совместительству) вела педагогическую работу в МНИ.

В заводской лаборатории группой под ее руководством были развернуты исследования по крекингу образцов нового сырья в автоклавах и на непрерывно действующей опытной установке. С поступлением на завод сырья работы переместились из лаборатории на промышленные установки. Сырье было освоено, завод работал, фронт бесперебойно снабжался топливом. И в этом была огромная заслуга Е.В. Смидович. Свою научно-исследовательскую работу она начала под руководством С.Н. Обрядчикова. Первые исследования были посвящены проблемам перегонки и ректификации нефтяного сырья. Известны работы по созданию графического метода (метод Обрядчикова и Смидович) построения кривых однократного испарения, используемого при технологических расчетах и проектировании промышленных установок АВТ.

В 1944 г. Е.В. Смидович защитила кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые варианты получения светлых нефтепродуктов прямой перегонки нефти» и в том же году получила ученое звание доцента. В этот период начались работы в области моделирования тепловых устройств и процессов, расчета нефтеперегонной аппаратуры, а также технологии крекинга.

В дальнейшем область научных интересов Екатерины Владимировны значительно расширилась. Она была крупным и признанным специалистом в области производства нефтяного кокса. В начале 1950-х годов Смидович принимала активное участие в разработке процесса непрерывного коксования тяжелых нефтяных остатков в псевдоожиженном слое порошкообразного кокса-

теплоносителя, так называемого процесса термоконтактного крекинга (ТКК). Процесс этот первоначально исследовался раздельно в МНИ им. И.М. Губкина и НИИ по переработки нефти (ВНИИ НП), а затем усилия двух коллективов были объединены. Работы проводились в лаборатории на модельных установках и были продолжены в промышленных условиях на специально реконструированной установке Куйбышевского НПЗ. Первое авторское свидетельство по этому процессу с приоритетом (1948) выдано В.Л. Гурвичу, С.Н. Обрядчикову, Е.В. Смидович и А.И. Скобло и второе свидетельство (1950), зависимое от основного, тем же авторам и Я.А. Ботникову (ВНИИ НП).

В 1950-е годы в стране шло строительство установок замедленного коксования — полунепрерывного процесса в необогащаемых коксовых камерах. Проблемам, связанным с освоением процесса, уделялось внимание и на кафедре технологии переработки нефти и газа. Эти работы проводились под руководством Обрядчикова, а затем Смидович. В дальнейшем область научных интересов Екатерины Владимировны значительно расширилась. С ее участием, а затем под ее руководством проводились работы в области термических и термокаталитических процессов: термоконтактного крекинга, пиролиза, коксования, а также каталитического крекинга.

Большую роль в развитие науки переработки нефти и создания новых процессов внесли женщины - учёные и технологи Грозненского Нефтяного Научно-Исследовательского Института (ГрозНИИ). Одной из них была **Николаева Вера Георгиевна** — первая и единственная женщина директор в истории ГрозНИИ. Работала на этой должности в период 1932—1938 гг.

Николаева В.Г. родилась в 1907 году. В 1930 году окончила Грозненский нефтяной институт и начала работать в ГрозНИИ. Старший научный сотрудник. К концу 1921 г. грозненская нефтяная промышленность была восстановлена и стала бурно развиваться [16]. Это обстоятельство явилось важнейшей задачей того, что именно в Грозном был создан один из первых в Советском Союзе научно-исследовательских центров. Второй причиной, приведшей к образованию в Грозном научно-исследовательского нефтяного центра, являлось то, что здесь имелись традиции проведения исследовательских работ с четкой направленностью и быстрым использованием данных науки для практических целей [18].

Сразу после национализации нефтяной промышленности в Грозном были созданы различные лаборатории, на базе которых готовились новые кадры исследователей в области нефтяной

промышленности. Непосредственным предшественником ГрозНИИ была объединенная центральная лаборатория Грознефти, организованная в 1925 г.

Высокий уровень исследовательских работ, проводимых центральной лабораторией Грознефти, имел большое значение для развития нефтепереработки Грозного и послужил основой для создания научно-исследовательского института.

Открытие в Грозном научно-исследовательского нефтяного института в октябре 1928 г. явилось событием, имеющее большое значение для Северного Кавказа и всей страны.

Первым директором ГрозНИИ был профессор Саханов А.Н., эмигрировавший за границу. Николаева В.Г. заняла место директора ГрозНИИ после Буторина Н.П., исполнявшего обязанности директора. Коллективом ГрозНИИ под руководством Николаевой В.Г. был выполнен большой объем исследовательских работ по исследованиям грозненских нефтей, бензинов, мазутов, по получению газотурбинного топлива на базе продуктов термического крекинга, проводились обследования крекинг-установок, коксовых кубов в Грозном, рассчитывалась аппаратура заводов [16—17]. В этот период в Грозном шло крупное заводское строительство установок крекинга, и ГрозНИИ выполнялся большой объем научно-исследовательских работ по крекингу грозненских мазутов.

Первая женщина лауреат Государственной премии по нефтепереработке работала в ГрозНИИ. Эта **Оркина Зинаида Георгиевна** (1915—1962 гг.) [18].

В 1939 году окончила Грозненский нефтяной институт. Годы работы в ГрозНИИ 1939—1958 гг. С 1943 года Зинаида Георгиевна руководила технологической лабораторией. Зинаида Георгиевна Оркина была ближайшим помощником Б.К. Америка, под руководством которого была создана система отечественного каталитического крекинга. Она один из авторов этого процесса, удостоенных Государственной премии 1-й- степени.

В 1943—1944 гг. на специально сконструированном и построенном промышленном узле одной из установок термического крекинга Грозненского крекинг-завода были проведены первые опыты, позволившие выяснить и уточнить ряд технических и конструктивных особенностей процесса каталитического крекинга.

В 1946 г. сотрудники Гипрогрознефти по данным ГрозНИИ запроектировали, а производственники Грозненского крекинг-завода пустили в эксплуатацию первую в бывшем Советском Союзе опытно-промышленную установку 43-1 каталитического крекинга с

подвижным шариковым катализатором. Этот успех получил высокую правительственную оценку. За работу была присуждена Государственная премия. Лауреатами государственной премии стали грозненцы Б.К. Америк, В.С. Федоров, И.В. Бочаров, З.Г. Оркина, К.Г. Лаврентьев, и москвичи С.К. Макаров и Н.И. Штейнгоц [12]. Оркина З.Г. — была единственной женщиной в этой группе авторов, получившей звание лауреата Государственной премии.

Эта женщина-груженка являлась автором и соавтором множества научных работ, проводившихся в ГрозНИИ. З.Г. Оркина занималась исследованиями по деструктивной перегонке мазутов и гудронов, изучением и усовершенствованием технологии и аппаратурного оформления процесса контактного коксования нефтяного сырья, разработкой и усовершенствованием процесса контактного коксования нефтяных остатков, каталитическим обогащением продуктов термокрекинга и контактного коксования, обогащением средних дистиллятных фракций термокрекинга, получением низкомолекулярных непредельных и ароматических углеводородов методом двухступенчатой термоконтактной переработки нефтяных остатков.

Количество женщин — исследователей, занимавшихся исследованиями нефти и процессами их переработки, начиная с конца 1920-х годов, когда в стране были организованы учебные нефтяные и научно-исследовательские институты и шло усиленное строительство нефтеперерабатывающих и крекинг-заводов, постоянно увеличивалось. Вклад их в развитие технологии переработки нефти и нефтехимического синтеза был значительным.

Можно назвать имена таких замечательных женщин—ученых как Жердеву Л.Г., которая работала заведующая лабораторией в ГрозНИИ с 1928 г. и была первым профессором — женщиной; Артемьеву О.А., которая работала в ГрозНИИ с 1928 по 1961 г., была руководителем лаборатории масел, заслуженным деятелем науки ЧИАССР.; Вольпову Е.Г. заслуженного деятеля науки ЧИАССР, автора известной монографии «Сернокислотное алкилирование изопарафинов олефинами»; Адельсон С.В., Светозарову О.И., Матаеву Б.В., Казакову Л.П., Мартыненко А.Г., Вишнякову Т.П., Мегедь Н.Ф. и многих-многих других, деятельность и вклад которых в развитие отечественной науки переработки нефти и нефтехимии заслуживает отдельного исследования.

Список литературы:

1. Ахмадова Х.Х., Махмудова Л.Ш., Турлуев Р.А-В. Вклад грозненских ученых в развитие нефтеперерабатывающей промышленности в период 1926—2007 гг. // История науки и техники. № 3, 2008. - С. 50—53.

2. Байкова В.М. Химия после уроков. В помощь школе. Петрозаводск: Карелия, 1976. - С. 147—152.
3. Будрейко Е. Н. Становление и развитие химии в России (XVIII — XIX вв.). <http://www.portal-slovo.ru>.
4. Глаголева О.Ф. Вклад женщин-технологов в науку о нефти // Мир нефтепродуктов. - 2012. - № 3.
5. Глаголева О.Ф. Столетие Екатерины В.С. // Мир нефтепродуктов.- 2010.- № 4—5.- С. 74—76.
6. Головахина М.А. Женщины—химики. Из истории развития химии. <http://www.alhimikov.net/laureat/laureat.html>.
7. Гольдманский В.И., Черненко М.Б. Мария Склодовская-Кюри (к 100-летию со дня рождения). Химия и жизнь, 1967.- № 12.-С. 27.
8. Гуреев А.А. Профессор Екатерина Владимировна Смидович- человек, педагог, ученый (воспоминания к 100-летию со дня рождения). //Технология нефти и газа. 2010. - № 6. - С. 12—14.
9. Личичкин С.М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Гостоптехиздат. 1954. - С. 226—227
10. Мусабеков Ю.С. Первые русские женщины-химики. Химия и жизнь, 1968, № 3, с. 12.
11. Мусабеков Ю.С. Юлия Всеволодовна Лермонтова, 1846—1919. М.: Наука, 1967.
12. Нефть и газ Чечни и Ингушетии. К 100-летию Грозненской нефтяной промышленности 1893—1993 гг. Под редакцией канд. техн. наук. Л.Х. Ибрагимова. М.:Недра. 1993. С. 272.
13. Сергеева И. Юлия Лермонтова. Химия и жизнь, 1966, № 1, с. 8.
14. Сергиенко С.Р. Очерк развития химия и переработки нефти». М.: Изд Акад. Наук СССР. - 1955. - С. 85—86
15. Толстой М.П. Е.Р. Дашкова - организатор российской науки // Вестник российской академии наук, 1993, том 63, № 3 .С 245—246.
16. Тумский К.И. // Техник. 1883. № 24 .С. 2—3.
17. Тумский К.И. Технология нефти. 1884 - С. 176.
18. Указатель опубликованных работ сотрудников ГрозНИИ в области нефтепереработки и нефтехимии (изд. 2-е, исправленное и дополненное). Чечено-Ингушское книжн. изд. - 1973. - С. 208.

ГЕНДЕРНАЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ И ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В СРЕДНЕНИЖНЕНЕМЕЦКОМ ЖИВОТНОМ ЭПОСЕ «РЕЙНКЕ ЛИС» (РОСТОК, 1539) КАК ПРИМЕР РЕФЛЕКСИИ НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ФОРМАЦИИ

Цапаева Сабина Юрьевна

докторант, университет г. Росток, г. Росток

E-mail: sabina@mail.natm.ru

Сколько ни ругай перевороты, произошедшие за последние десятилетия, нужно признать, что именно эти значительные переходы открыли перед нами новые перспективы и возможности и пути понимания различных аспектов действительности. Один из таких переворотов привёл к переосмыслению категорий перформативности и перформанса — хотя, как это нередко бывает с новыми ведущими культурологическими категориями, не всегда ясно, что именно подразумевают под собой эти термины. В наибольшей степени проблема дефиниции данных понятий затрагивает молодых учёных, перед которыми стоит задача разобраться с широкой палитрой существующих потенциальных значений, прежде чем они займут своё место в теоретико-методологической базе научных изысканий.

Если принять перформатив за «правдоподобное» выражение культурных реализаций или вслед за Эрикой Фишер-Лихте определить его как «*Culture as performance*» [ср. Fischer-Lichte 2009], то возникнет опасность оценить всякий элемент исследуемой системы как перформативный. В таком случае перестаёт быть понятным, на какой материальной базе должны быть рассмотрены перформативность и перформанс. В исторической науке перформатив зачастую пытаются обнаружить, собственно, в произошедших событиях и действиях, не акцентируя особого внимания на исходную форму, будь то ритуалы или символические ситуации политической коммуникации. При этом зачастую выпадает из поля зрения, что наши знания о событиях и действиях, как правило, мы получаем опосредованно через текст. Если же тексты и упоминаются, то они рассматриваются исключительно в качестве исторических источников, то есть не происходит осознания особенностей текстовых жанров, как и социокультурного и исторического контекста их возникновения, развития, распространения и использования в свете *wide reading*. Отдельные же филологические дисциплины работают текстуально-центрированно.

Здесь перформанс интерпретируется в непосредственной связи с ситуационным и функциональным использованием текстов, другими словами, с их презентацией, возможным восприятием реципиентом и последующей традицией, причём обыкновенно за основу берутся тексты художественной литературы. Такие более герменевтически ориентированные дисциплины как практическая теология и музыкология в классическом случае понимают под перформансом своего рода постановку или инсценировку, как правило, забывая принять во внимание результаты исследований историко-критически и филологически направленных дисциплин, касающихся исходных текстов, являющихся отправными точками для этих самых представлений. Впрочем, разделы гуманитарной науки, работающие в герменевтическом ключе, не ограничиваются анализом исторических театральных, музыкальных и т. п. реализаций текстов и привлекают для исследования современные и пользующиеся популярностью постановки. Данный аспект, в свою очередь, нередко остаётся нетронутым другими дисциплинами.

В связи с выше сказанным хочется предложить попытку синтетического анализа гендерной идентификации в контексте распределения социальных ролей в Позднем Средневековье, совмещаая исторический и филологический опыт исследований. Анализу подвергнется положение женщины XVI века в Северной Германии, каким оно представлено в средненижненемецком животном эпосе «Рейнке лис» (Росток, 1539). Данная междисциплинарная работа будет выполнена в духе медиевистики с позиции различных перформативных концепций с целью доказать историческую обоснованность гендерной перформативности на примере художественного текста.

Очевидно, необходимо сделать несколько априорных замечаний относительно правомочности выбора исследуемого источника. Несмотря на то, что «Рейнке лис» [3], в первую очередь, является примером художественного текста, он может служить основанием и исторического анализа в том числе. Для дидактически ориентированной литературы Средних веков, примером которой, без сомнения, является рассматриваемый источник 1539-го года, характерна выраженная назидательная направленность. Реципиенту предлагается своего рода «зеркало», в котором каждый должен увидеть себя и сделать соответствующие выводы относительно своего поведения. Поучение читателя происходит на нескольких уровнях (обратимся непосредственно к критике женского пола, помня о том, что структура произведения отражает и другие аспекты человеческого

существования). С одной стороны, в самом тексте женщина тематизируется как существо греховное, слабое, совращающее с пути истинного, что ничуть не противоречит религиозным и общественным мировоззрениям того времени, с другой стороны, на метауровне мы находим подтверждение словам рассказчика в виде цитат античных ораторов или отдельных выкладок из Библии. Однако не хочется забегать вперёд и здесь перечислять все особенности характера и природы женщины. Стоит лишь отметить, что постраничные комментарии на полях и поглавные глоссы эпоса призваны завизировать обоснованность выдвинутых претензий как к женскому полу в частности, так и к человеку, представителю своего сословия, и общественному строю и социальному порядку в общем. Руководствуясь принципом «docere et delectare» (досл.: учить и развлекать), автор переносит знакомую читателю реальность на вымышленную почву, причём операция метафорической аналогии — протагонисты наделены клишированными и стереотипными антропоморфными признаками — наиболее эффективно приводит в действие механизмы когниции и перцепции, которые в свою очередь запускают процесс самосознания, ведущего к исправлению недостатков личности. Другими словами, автор работает с историческим материалом на синхронном для читателя уровне для достижения максимального охвата аудитории, ссылаясь при этом на опыт прошлых столетий (уровень диахронии). Существующий общественный порядок отражается без прикрас, за счёт чего мы получаем возможность работать с относительно объективным отражением средневековой действительности. Следуя такому пониманию рассматриваемого эпоса — в качестве относительно достоверного исторического источника —, хочется перейти непосредственно к рассмотрению социального распределения ролей и положения женщины в средневековом обществе.

Феодальная иерархия в Германии первой половины XVI-го века представлена тремя сословиями: духовенство, дворянство, крестьянство [5, с. 1—18, 19—52]. Дополнительно можно отметить роль купечества и ростовщичества [4, с. 166—197]. В исследуемом животном эпосе автор выстраивает модель позднесредневекового общества, в которой находят своё отражение как привилегированные сословия церковнослужителей, низшего дворянства и высшей знати, так и торговое и третье сословия. Распределение животных по социальной лестнице в зависимости от их природных особенностей сопровождается подробным комментарием общественного строя и функций того или иного сословия [3, л. (=лист) III об. (=обратная

сторона) — л. VII лиц. (=лицевая сторона)]. Как и в средневековом обществе, в тексте жёны принадлежат к тому же сословию, что и их мужья. Здесь хочется отметить, что исключительно все обозначенные в рассматриваемом источнике женские фигуры — представительницы животного мира — являются замужними (исключение: безымянные наложницы и любовницы при папском престоле). Высшее дворянство в эпосе представлено львицей и придворной обезьяной, среднее и низшее — волчицей и лисичей, третье сословие — курицей, уткой, гусыней и козой (не совсем прослеживается сословная принадлежность вороны, впрочем, она фигурирует в тексте, так же как и курица, *post mortem*). Центральной для построения событийной цепочки при этом нельзя назвать ни одну из женских фигур, что служит подтверждением принципа полного смиренного подчинения женщины мужчине в рассматриваемой временной формации. Женщина позиционируется как существо второго класса, неполноценное и годное лишь для выполнения простых стереотипных функций: деторождения, воспитания потомства, приготовления и раздачи пищи, служения достоинству мужа. Несомненно, функции женщины более привилегированного сословия формально несколько сглажены, однако, полоролевые стереотипы действуют на всех уровнях социума без исключения.

Такое дискриминированное положение женщины в моральном и социальном плане объясняется, в частности, как ни странно (несмотря на то, что церковь призвана нести утешение верующим), не перестающей быть актуальной христианской пропагандой о том, что женщина, на которой лежит вина за первородный грех, греховна по природе своей и является недочеловеком. О каком осознанном становлении гендерной личности может идти речь, когда общество, слепо и категорично следуя посланиям апостола Павла, самостоятельной личности в женщине не видело. Тем не менее, значительная реабилитация женщины по сравнению с Ранним Средневековьем не может быть оставлена без внимания. Поясним данную мелиорацию на трёх конкретных примерах из текста.

Волчица (*Wulffynne Frouwe Gyremoth*) характеризуется в тексте, с одной стороны, как недалёкая и жадная представительница дворянства, готовая за лишнюю рыбу и на замёрзшем озере с хвостом в проруби просидеть [л. CCXXV лиц.], и в колодец прыгнуть [л. CCXXVIII об.], с другой стороны, как неверная жена (впрочем, не до конца очевидно, было ли прелюбодеяние с лисом добровольным или насильственным) [3, л. XII об., CCXXV лиц.]. В большинстве случаев поведение Гиремут соответствует её социальной

роли: интересы волчицы в суде представляет волк (Wulff Jsegrim), ведь участие в средневековом судебном процессе было исключительно мужским доменом. Не стоит забывать о том, что институт опеки и попечительства (Vormundschaft) возник ещё в Древнем Риме и успешно продолжает своё существование в претерпевшей ряд изменений форме вплоть до сегодняшнего дня. Так, в XVI-м веке свободных незамужних девушек представляли отцы, крёстные или другие родственники мужского пола, интересы вдов их сыновья или братья мужа и т. д. Женщина не привлекалась для дачи показаний в суде как свидетель, так как, следуя натурфилософским воззрениям того времени, считалось, что она не может мыслить и действовать логически. Однако, после неудачных попыток мужа в тексте эпоса волчица приступает к самостоятельному обвинению Рейнке лиса (Voß Reynke) при дворе. Впрочем, её усилия в данном направлении [3, л. ССХХVIII лиц. — ССХХIX лиц.] не увенчиваются успехом, что в очередной раз подтверждает позицию натурфилософии о превосходстве мужчины как в моральном, так и в интеллектуальном плане.

Действия львицы подвергаются жёсткой критике как напрямую со стороны влиятельного мужа [3, л. СХХХV лиц.], так и со стороны протестантски настроенного глоссатора [3, л. СХХХV лиц. — СХХХVI лиц.]. Королева-львица становится активным участником судебного процесса только один раз (в остальных случаях она лишь молча присутствует в качестве жены короля). Лев (Louwe Nobel) при очередном принятии решения относительно судьбы Рейнке прислушивается к мнению жены, советующей ему допросить лиса, прежде чем выносить окончательный вердикт о казни [3, л. СХV об.]. Разгневанный король прислушивается к совету жены, что впоследствии оборачивается многочисленными трагедиями, смертями и обманами. Несмотря на то, что львица руководствовалась благими намерениями, принципом *audi alteram partem* [3, л. СХХХVI об.] и радела за судьбу королевства и безопасность мужа, её инициатива не приветствуется. Рассказчик цитирует «Memorial der doget» и вкратце излагает философскую позицию Фомы Аквинского о том, что женщины по природе своей создания слабые, никчёмные, неполноценные и непостоянные, в связи с чем к их словам нужно относиться с большой осторожностью, даже если эти слова идут от сердца, ведь женщина обделена правдивым разумом. Становится очевидным, что женщина, пусть и королева, понимается лишь как дополнение к мужу, причём не всегда как положительное. Ей в лучшем случае уготована безмолвная роль второго плана вне

зависимости от её сословной принадлежности. Таким образом, даже если средневековая женщина решается на открытое выражение своего мнения, то необязательно её слова будут восприняты всерьёз и взяты на веру, как это показывает ситуация с львицей. При каждой новой попытке вмешательства в ход допроса или назначения наказания на стремящуюся к справедливости королеву обрушивается поток упрёков, заканчивающийся игнорированием её высказываний. Более того, в опалу попадают те члены совета, которые принимают сторону львицы [3, л. CXXXVII лиц.]. Так рассказчик в очередной раз даёт читателю понять, что от женщины исходит только вред и угроза.

Среди триады привилегированных дам в исследуемом источнике качественно выделяется придворная обезьяна (Arunne Frouwe Rukenouwe), отличающаяся от всех женских фигур острым умом, проницательностью и особой политической влиятельностью. Обезьяна относится к приближённым короля и королевы, поэтому в момент, когда жизнь Рейнке висит на волоске, она вмешивается и ходатайствует о помиловании своего родственника, меняя тем самым ход событий. Прощение обезьяны не голословно, оно действительно основано на положительном примере служения лиса королю [3, л. CLXXX лиц. — CLXXXI лиц., CLXXXII об. — CLXXXVII лиц.]. Однако, следует обратить внимание на тот факт, что обезьяна в своих суждениях необъективна, к тому же она умело пользуется своим прерогативным положением при дворе и выставляет преступника Рейнке в наиболее выгодном свете. Кроме того, она изображается как искусная и злокозненная особа, знающая многочисленные лазейки и сведущая в запрещённых тактиках ведения боя [3, л. CCXLI об. — CCXLIII лиц.]. Обманным путём обезьяна помогает Рейнке победить волка в решающем поединке, после чего антигерой попадает «из грязи в князи» и назначается канцлером [3, л. CCLX об.]. Из всех женских фигур обезьяна, несомненно, является наиболее влиятельной. Её роль сложно переоценить. И если для большинства средневековых женщин общественная, как, впрочем, и экономическая, деятельность оставалась недозванной [6, с. 89—116], то обезьяна являет собой исключительный пример успешной общественно-политической активности, если не сказать карьеры. Бесспорно, как рассказчик, так и глоссатор крайне негативно оценивают такое самоуверенное поведение, лишняя раз подчёркивая непреложную для эпохи Позднего Средневековья истину: от женщины — вольно или невольно — исходит зло. При всей нелестной оценке такого действия для нас с

исторической точки зрения важна сама возможность восхождения женщины по социальной лестнице [6] фактически до уровня мужчины.

На основе вышесказанного легко могло сложиться одностороннее впечатление, что в рассматриваемом животном эпосе женщина изображена сугубо негативно. Хочется опровергнуть такое видение и в заключении привести пример правильного поведения средневековой женщины. Праведной показана, как ни странно, лисица (Vofynne Frouwe Armelyne). Именно жена главного героя, точнее, антигероя, обладает теми характеристиками, которыми с позиции Средневековья должна отличаться замужняя женщина [2]. В первую очередь и прежде всего, волчица является домохозяйкой, хранительницей домашнего очага и матерью детей. На ней лежит обязанность воспитывать волчат, готовить пищу мужу и держать хозяйство в соответствующем порядке. Не менее важно, что Рейнке воспринимает жену как опору. Несмотря на то, что он не посвящает её во все свои дела, он, в частности, доверяет ей детей на время своего отсутствия. Впрочем, и в эту бочку мёда следует добавить ложку дёгтя. Определённо, Рейнке не доверяет жене своих секретов, даже если они непосредственно касаются её судьбы и судьбы детей, потому что в Позднем Средневековье женщина считалась болтливой и апропо лишённой мужского благоразумия. Поэтому мы находим доказательство гендерной асимметрии в разделении труда, основанной на средневековых представлениях о природе человека. Слабой и боязливой женщине, рожденной более мягкой, чем стойкий мужчина, доверялось заботиться о семье внутри семьи, пока сильный мужчина, обладающий душой возвышенной, защищал интересы семьи вне дома. Таким образом, женщина была полностью изолирована от публичной сферы жизни и вытеснена в приватную, что в данном конкретном случае рассматривается как пример христианской добродетели и правильного поведения женщины, сообразного её природе и предназначению. Благочестиво Гиремут ждёт своего супруга, что в лишней раз доказывает скромное предположение, что женщина не только порочное создание. Кроме того, она благоразумно управляет домом и являет собой пример достойных уважения умеренности и воздержанности. Она скромно подаёт еду на стол вернувшемуся мужу, детям и гостям, оставаясь при этом, судя по всему, голодной. Мы видим, что статус жены завидным не был, однако, можем узреть между строк положительную оценку её добродетелей.

Подводя черту под изложенным выше, хочется подытожить, что на базе дидактического эпоса складывается далеко не лестный образ средневековой женщины. Отчётливо прослеживаются

женоненавистнические нотки как в основном, так и в маргинальном тексте комментариев. Женщина клеймится как недостойное создание, склонное к прелюбодеянию и другим преступным порокам, что корреспондирует с гуманистической идеологией того времени. Казалось бы, именно в период Позднего Средневековья, когда человеческое существо попадает в фокус клерикальных и научных изысканий, взгляд на женщину должен быть пересмотрен, однако, этого не происходит. Женщина должна мириться со своим, в лучшем случае, второстепенным положением и не пытаться прыгнуть выше головы, выходя за рамки социально дозволенного, пробовать себя на поприще государственного управления и пр. Все подобные попытки самостоятельности должны пресекаться, ведь, как известно из назидательных учений из произведений отцов церкви, которые охотно заимствуются и цитируются в источнике, женщина лишь сбивает мужчину с пути истинного, ввергая социум в пучину неразберихи и страданий. Всё это находит непосредственное отражение в рассматриваемом источнике, а значит, активно трагируется с целью дальнейшей дискриминации и притеснения женщины. Другими словами, в эпоху Позднего Средневековья второй пол продолжает консервироваться под давлением церкви и авторитетом великих умов. Несмотря на частично развлекательный тон «Рейнке лиса», характерный для сатирическо-обличительного жанра, серьёзная и даже кризисная проблема гиподентификации женщины не теряет своей актуальности.

Список литературы:

1. Fischer-Lichte E. Culture as Performance // *Modern Austrian Literature*, Special Issue "Performance", vol. 42, № 3, 2009, p. 1—10.
2. Goetz H.-W., Baltrusch-Schneider D.B. *Weibliche Lebensgestaltung im frühen Mittelalter*. — Köln: Böhlau, 1991. — 186 S.
3. Reynke Vosz de olde, nyge gedruket, mit sidlikem vorstande vnd schonen figuren, erluchtet vnd vorbetert — Rostock: L. Dietz, 1539. — CCLXXII Bl.
4. Schmidt P., Carl H. *Stadtgemeinde und Ständegesellschaft: Formen der Integration und Distinktion in der frühneuzeitlichen Stadt (Geschichte: Forschung und Wissenschaft)*. — Berlin: LIT, 2007. — 260 S.
5. Schulze W. *Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität*. — München: Oldenbourg, 1988. — 416 S.
6. Vogel B., Weckel U. *Frauen in der Ständegesellschaft: Leben und Arbeiten in der Stadt vom späten Mittelalter bis zur Neuzeit (Beiträge zur deutschen und europäischen Geschichte 4)*. — Hamburg: Krämer, 1991. — 309 S.

СЕКЦИЯ 5.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В СОЦИОЛОГИИ

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ ЛАКЦЕВ

Алиева Бадрижат Маликовна

*науч. сотр. отдела лексикологии и лексикографии ИЯЛИ ДНЦ РАН,
г. Махачкала*

E-mail: zhanna_alieva@mail.ru

В рамках настоящего исследования проводится анализ, касающийся свадебной обрядовой поэзии. Свадебная обрядовая поэзия давно привлекала внимание этнографов, фольклористов, писателей. Более того, ее описанию посвящено большое количество работ отечественных ученых: Н.П. Колпакова «Лирика русской свадьбы» [2, с. 123], Е.Э. Хабунова «Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия» [4, с. 45], «Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа» (сб. статей сост. А.М. Аджиев) [3, с. 18] и т. д.

Описания свадебной обрядовой поэзии представляют большую ценность при изучении фольклора различных народностей. Они передают быт, традиции и обычаи наших предков, их образ жизни и культурное наследие. Однако, как нам представляется, крайне важным является дополнить имеющиеся исследования фиксацией вербальной идентификации конкретного социума в гендерном измерении, что позволит наиболее ярко создать социолингвистическую картину мира. С этой целью нами был изучен материал свадебной обрядовой поэзии народов Дагестана, в частности лакцев, который представляет поэтизированные повествования о любви молодых, об устройстве новой семьи, об отношении к молодожёнам родителей, родных людей, близких. Выявление различий на уровне лексики при описании гендерных ролей (жениха и невесты, свекрови, женщины, сопровождающей невесту, тамады, и т. д.), позволит глубже воссоздать имеющиеся гендерные стереотипы, зафиксированные в обществе, позволит определить релевантные особенности речевого поведения, фрагментированные в исследуемом жанре.

Так, в анализируемом лексическом материале обращает на себя внимание описание внешности невесты в песнях прихода за ней, где акцент делается на осанку, глаза, тело девушки:

Буши-ххуллугу вил ххуйсса Щинал яругу вил ххуйсса Щалва чурхгу вил ххуйсса, Ина цу бавал бувссара	И осанка у тебя красивая, И глаза твои красивые, И тело твоё красивое, Какая мама тебя родила?
---	---

Авторы в своих работах уже отмечали, что гендерные роли в фольклоре лакцев отличаются невероятно большим набором образных средств при описании героев [1, с. 2]. Настоящее исследование в этом отношении ещё раз подтверждает данный факт, поскольку в анализируемом жанре сама невеста в песнях прихода за ней отождествляет себя с образом птицы, используя фаунонимы:

Бизанна, къабизанна Ттул багьу-бизу ишттанк тул. Букканна къабукканна Ттул буши-ххуллу къахьунт тул.	Встану, не встану, Моя обстановка, быт трясогузки. Выйду, не выйду, Моя осанка, сноровка, как у куропатки.
---	---

Лексический арсенал средств при описании одежды невесты имеет ассоциативность с цветовой палитрой: *вил камал арцул дури* (твой камал из серебра), *лачак кЯяла шал дури* (платок — белая шаль), *янна мусил щаршисса дур* (одежда вышитая золотом).

Особый интерес представляют гендерно-маркированные лексические средства, выражающие и восхваляющие эталон гендерных отношений, в частности отношения мужа и жены:

Наврузбагнал чувшив Щарнил яданнав. Жалиндалул х1урмат Щач1а яхьуннав!	Мужество жениха Да сохранит жена. Да сохранится у него Уважение, почёт невесты!
---	--

«Бедность — не порок!» — гласит известная мудрость. В этой связи хотелось бы отметить, что в лексике свадебной обрядовой поэзии лакцев прослеживаются нотки гендерного неравноправия в материальном положении жениха и невесты. Как видно из исследуемого материала, благосостояние невесты характеризуется следующими дескриптивными единицами: *качар, чассаг канай яхьусса жалин* — невеста, привыкшая кушать сахар и финики, *ч1урни ч1ут1улсса* — глазурью покрытая посуда, *хьахьи буттукья* — жёлтый

сундук. Однако, родня жениха призывает унаследовать от отца иные ценности, воспитывающие нравственные качества человека:

Тгун бачIвасса яхIри тIар, Бувксса буттал бутIурай, Мискиннугу зад бакъар, Барчаллагь, ххира буттай!	От отца в наследство Я получил лишь одну честь, Ничего, что я бедняг, Спасибо, любимый отец!
---	---

Продолжая тему богатства-бедности, следует отметить, что корильные песни лакцев также отображают недовольство родни жениха приданым невесты, что ярко отображено в исследуемом жанре: *хъириувсса ца кIункIур* — приданое лишь котёл, *ялун рутан цIихъа* — половика нет, чтобы накинуть сверху, *буртти бикIан чу бакъу* — коня нет, чтоб сесть, *бачин аьрава дакъу* — арбы нет, чтоб поехать.

В свадебных песнях лакцев идёт подспудное соревнование: кто лучше, жених или невеста, при этом можно чётко определить гендерные релевантные стереотипы, закреплённые в обществе. Так, у жениха поощряется наличие коня жёлтой масти (*хъахъи чу*), оружие из чистого серебра (*марцIарцул ярагъ*), в то время как неизменными атрибутами приданого невесты являются пёстрая корова (*ттуру оьл*) и большой сундук (*хъун буттукъа*).

Анализ гендерно-маркированных дескриптивных единиц свадебной обрядовой поэзии позволил выявить неравные и несправедливые, на наш взгляд, стереотипы, закреплённые в обществе в метагендерном измерении:

КъучагъначIа хъун къуру, ХъанничIа ккурччул кIурглу...	У героя в руках большой рог, У женщин большой котёл каши...
---	--

Некоторая гендерная стабильность наблюдается в лексике свадебной поэзии при описании образа невесты в том плане, что дескриптивные единицы данного тематического пласта лексики имеют гендерно различную референцию:

Уссурварал ссурухIи Хъулухун бивну бури. Ссурварал янил чани Хъулух бавцIуну бури.	Красавица братьев Подошла к порогу дома, Свет очей сестёр Стоит у порога.
---	--

Однако когда речь идёт о родне невесты, как о единой ячейке общества, наблюдается гендерная нестабильность, поскольку авторитет семьи и рода невесты в данном тематическом блоке маркируется через отца, например: **Буттанний** *ххаллил ляхъин* — У отца знатная, гордая родня.

Интерес вызывают также положительно-окрашенные номинативные конструкции, олицетворяющие жениха и невесту с образами космического мира: *Бургъи-зурул кIива оьрчI* — Дети Солнца и Луны.

В песнях подхода невесты к дому жениха наблюдается метафоризация образа невесты: *вила къатлул хьулухун ца хIуруэн бивну бур* — к твоему дому одна гурия подошла; *зула азваруннихун бургъил оьрчI бивну бур* — к вашему двору подошло дитя солнца.

Далее, хотелось бы отметить присутствие сравнительных конструкций при описании образа невесты:

Ттинин жугу ябарду Паммалуву кIукI кунма, Тти зугу ябувара Гунттуву муси кунма.	До сих пор мы её оберегали, Как духи в вате, Теперь и вы берегите, Как в коробке золото хранят.
--	--

Как известно, во время свадебной процессии звучало много пожеланий из уст родни в адрес молодожёнов. В этом ключе важно отметить, что речевое поведение участников свадебной процессии в момент пожелания рождения детей (сыновей или дочерей) также носят гендерный характер, приведём пример:

Винма ччиссаксса арсру Вил тавханттуву хьуннав! Миннал хьхьичIа зузи бан Ца ссугу ялун баннав!	Пусть сколько пожелаешь сыновей В твоей спальне родятся! Чтобы ухаживать за ними, Пусть одна сестра для них родится!
---	--

Вышеизложенный куплет песни показывает, что рождение сыновей является доминирующим фактором при создании семьи, поскольку сын, являясь в первую очередь продолжателем рода, находится во главе угла, в отличие от дочери, которая после замужества покидает дом отца.

Исследуя лексический материал свадебной обрядовой поэзии, были собраны песни, в которых освещаются и отрицательные стороны участников свадебной процессии. В корильных песнях лакцев так называемая *ахIалицар* (женщина, сопровождающая невесту) зачастую представлена в крайне негативном свете:

АрхIал шарнил лицIаву, Янналул гьулугаву, Ххяли къацI бусса дури Бурки архIал бюкъанссар.	Какая стройная женщина- сопроводительница рядом, Но какая чумазая одежда, Рот у ней словно пропасть, Целиком чуду проглотит.
--	--

В корильных песнях лакцев образ жениха также получает негативную окраску:

Муку-тукуннан къашай ххуйсса душ, Утти циван хьура х1анттил пияннан?	За любого замуж не выходящая красавица, Зачем тогда вышла замуж за пьяницу?
--	--

Таким образом, подводя итоги настоящего исследования, можно заключить, что свадебный обряд в целом представлял собой сложный праздничный комплекс, в котором причудливо смешивались черты реальной жизни, обрядового ритуала, лирических эмоций, напряженного драматизма, величавости, торжественности и почти шутовского скоморошества. Важно отметить, что все вышеперечисленные характеристики, на наш взгляд, тесно связаны с гендерными ролями и стереотипами, закреплёнными в социуме. Как показал анализ, центральные образы свадебной лирики — невеста и жених. Несмотря на то, что вербальная направленность преобладающей части свадебных песен адресована невесте, важно отметить, что их смысловая нагрузка в большей мере ориентирована на почитание и уважение будущего мужа, традиций и устоев его семьи. В этой связи можно заключить, что он (жених) находится в доминантном положении, чем женщина (невеста). В лингвистическом плане данный факт подтверждается проявлением модальности на уровне лексических конструкций адресованных невесте, поскольку речевое поведение родственников, обращенное к девушке-невесте, содержит значения необходимости и обязательства по отношению к будущему мужу, к детям, к устройству быта и т. д. Немаловажным является тот факт, что вербальная самоидентификация свадебной обрядовой поэзии обогащается за счет создания концептуального образа феминности и маскулинности, за счёт включения эпитетов, метафор и сравнительных конструкций.

Список литературы:

1. Алиева Б.М., Халилов Х.М. Гендерные особенности употребления ласковых форм обращения к ребёнку в лакском и русском языках // Вестник Дагестанского научного центра РАН. № 36. — Махачкала, 2010. — С. 101—104. ISSN 1684-792X. УДК 811.351.
2. Колпакова Н.П. Лирика русской свадьбы. — Л.; Наука, 1973. — 323 с.
3. Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа / Сборник статей (сост. А.М. Аджиев). Махачкала, 1985. — 173 с.
4. Хабунова Е.Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста, 1998. — 223 с.

ЖЕНСКИЙ ЮМОР И ЖЕНСКИЕ КОМАНДЫ В КВН

Брильянт Анастасия Вячеславовна
студентка СПбГУКИ, г. Санкт-Петербург
E-mail: arielka-89@mail.ru

Прошкова Зоя Вячеславовна
канд. социол. наук, ст. науч. сотр., СИ РАН, г. Санкт-Петербург
E-mail: eder57@nm.ru

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ
по проекту 12-03-00635а.*

Клуб веселых и находчивых (КВН) — уникальный феномен на российском телевидении (сегодня и в сети). И за более полувека существования — с момента возникновения — конечно, заслужил внимание гуманитарных наук. Но, когда мы взялись за социологическое исследование гендерных аспектов КВН, мы столкнулись с дефицитом социологической литературы по теме. Интерес к КВН был с самых истоков игры, но реализовывался по большей части в публицистике, а не в науке. В поисках материала мы опирались на сетевые ресурсы [1 и др.] и собственные эмпирические разработки. Но, надо отметить — меняется эпоха, портал Яндекс впервые в апреле 2012 года опередил Первый ТВ-канал по частоте обращений в день. Меняется «время» (как значимый субъект исследования), меняются исследования и их базы.

Кроме биографического анализа сетевых текстов, мы использовали интервьюирование 100 участников различных лиг КВН (непосредственное и электронное интервью), пяти директоров и редакторов КВН, включенное наблюдение (А.В. Брильянт — участница команды КВН СПбГУКИ «Парик Ломоносова»). Экспертами являлись представители Межвузовского чемпионата КВН Санкт-Петербурга, Открытой Невской лиги КВН, Межрегиональной лиги «Балтика», Камчатской лиги КВН.

Сначала мы предложили нашим информантам оценить женский юмор как явление. Выбор суждений распределился следующим образом (на 100 респондентов-квнщиков): «Женский юмор существует и отличается от мужского» (69), «Женский юмор отсутствует как таковой» (19), «Женский юмор существует и ничем не отличается от мужского» (12). Как видим, появилась идея, что гендерные границы юмора стираются, и мы приближаемся к европейскому культурному

тренду. В то же время убеждение в безыюморности женщин является серьезным барьером для включения женщин в юмористические шоу.

Рассуждая непосредственно о КВН, информанты усиливают позицию «Женского юмора не существует»: *«За спинами многих девушек в КВН все равно стоят авторы-мужчины»*. Не все квнщики, как и не все зрители, принимают женский юмор: *«Плоские и посредственные приколы с зачастую плохим актерским отыгрышем... Нет, мне такая самодеятельность точно не по душе»*. Не воспринимая серьезно творчество «смешных» девчонок, респонденты с критикой и недоверием относятся к заслугам даже известных участниц КВН. В рефлексии о женском юморе в КВН можно услышать: «узкоформатность», «излишняя наигранность», «пошлость». И объяснение информантов: *«Женский пол должен заниматься совершенно другими делами: воспитывать детей, готовить и убираться»*.

Но большинство опрошенных квнщиков положительно оценили женский юмор, особенно способность девушек блестяще шутить на темы, относящиеся к сугубо женскому поведению: *«Когда девушки сами высмеивают свои проколы, ни одна мужская подача не сможет сравниться с произведенным эффектом на зрителей»*.

По мнению экспертов (директоров и редакторов лиг), имеющих многолетний опыт включения в КВН, ситуация в лигах на сегодняшний день такова, что большинство девушек-квнщиц не задумываются над возможностями продолжения своего творческого пути (в том числе на телевидении) в сфере юмора и формате развлекательных шоу. Хотя это является веянием времени, некоторая доля представительниц женского пола пробивается в ПостКВНовское пространство, продолжая работать в этом жанре. При правильной оценке собственного потенциала и сил девушки могут добиться значительных успехов в КВН, идти дальше и создавать яркие и запоминающиеся образы в юмористических программах и шоу.

Отвечая на вопрос о мотивах участия молодых женщин в КВН, эксперты отмечают: *«В любом случае девушки, которые идут играть в КВН, преследуют определенные цели. И самореализация тоже немаловажная деталь. Несомненно, мотивы есть у всех, так как это даёт возможность продвижения»*. Упорядочивая высказывания о мотивах, выделяем следующие: знакомство с творческими людьми, обретение связей разного уровня (включая успешное замужество, так как «Квнщики — завидные женихи»), самореализация, получение уникального жизненного опыта, профессиональное продвижение (на последнем месте, перспективы видятся смутно), повышение уровня

компетентности. Последний мотив — компетентность, увеличение информационного и образовательного капитала — заслуживает особенного внимания с социологической точки зрения (мы обнаружили точку роста российского среднего «креативного» класса?).

По мнению экспертов, женских команд в чистом виде не существует: *«Смотря как рассматривать этот феномен. Можно говорить о женской команде, взяв в расчет только «картинку», то есть только актерский состав, представляющий команду на сцене. Но, как известно, за спинами актеров стоят еще очень много людей, чтобы эта команда, в принципе, существовала и удачно функционировала. В идеальном варианте, женская команда КВН — хорошо проработанный и продуманный концепт».*

Женский юмор «как ТВ-картинка» сейчас заметен и активно распространяется. Толчок к созданию нового жанра в начале 90-х годов дала женская команда Новосибирска «Девушки из джаза» (как по-настоящему успешный проект; годом ранее появились «Саратовские гувернантки» — команда, придумавшая интересный имидж, но без соответствующего уровня шуток), притянув за собой большое количество последовательниц. Сегодня женские команды КВН являются украшением игры, иногда даже пикантным, позволяют наслаждаться разным юмором, в том числе где-то нелепым и милым (перечисленные характеристики являлись для одних респондентов минусом по отношению к феномену, у других, наоборот, — вызывали улыбку и расположение).

На вопрос о вероятности женской команде стать чемпионками Высшей лиги КВН эксперты дают отрицательный ответ, объясняя это слишком большими хлопотами, связанными с женским коллективом, амбициями, трудоспособностью и выдержкой женщин. Хотя одновременно называют команды, которые добились успеха: «Девушки из джаза» (чемпионы Высшей лиги, 1993 г.), команда КВН Житомирского инженерно-технологического института (обладатели «КиВиНа в темном», 1997 г.) и другие.

Приводя примеры известных женщин — участниц КВН, эксперты отмечают, что у каждой из них была либо серьезная актерская профессиональная подготовка (Светлана Пермякова и Жанна Кадникова, команда «Парма»; Ольга Картункова, команда «Город Пятигорск»), либо они являются харизматичными личностями, сумевшими себя «продать» на экраны: *«Татьяна Лазарева, Тая Морозова, Катя Баранова — очень открытая и добрая, лично с ней знакома. Вообще, в принципе, знакома со всеми из Comedy Woman, еще*

до создания этого проекта вместе играли. Да много знакомых девушек. Из современных команд: Юлия Ахмедова («25-я», Воронеж), Ира Чеснокова («Факультет Журналистики», Санкт-Петербург) — очень талантливая девушка. Все из «Добрянки». Это шикарная команда».

Рассуждая об успешности отдельных персон в КВН, эксперты разделяли современных квнщиц и представительниц КВН более раннего периода, объясняя это продвинутой и популярностью постКВНовских проектов и отсутствием времени на просмотр игр Высшей и Премьер лиги КВН. Трудно было по ответам выстроить рейтинг известных женщин-квнщиц, но материалы интервью специалистов и рядовых участников КВН дали следующую картину:

1. Светлана Пермякова и Жанна Кадникова,
2. Татьяна Лазарева,
3. Ольга Картункова,
4. Татьяна Морозова,
5. Полина Сибгатуллина,
6. Наталья Еприкян,
7. Марина Федункив,
8. Ирина Чеснокова,
9. Юлия Ахмедова.

Для гуманитарного знания важно помнить: в женских образах в КВН отражаются и гиперболизируются свойства реальных женских типов в России. А гендерная принадлежность команды сегодня — не препятствие для попадания в Высшую лигу и в победители КВН. Важнее правильный концепт команды, ее харизма, оптимальное руководство.

Список литературы:

1. Дьяченко, М. «В чём сила женского КВН, брат?». Некоторые современные женские команды КВН. Обзор. [Электронный ресурс] / М. Дьяченко // Официальный сайт Международного союза КВН: КВН-избранное. — М., 2011.— Режим доступа: <http://www.amik.ru/Article/47/11978.html>. — 14.01.2011.

«ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

09 июля 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 27.06.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4,875. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3